Виктор Суворов

Марк Солонин и другие

НОКДАУН

1941

Почему Сталин «проспал» удар?

Коллектив авторов

Нокдаун 1941. Почему Сталин «проспал» удар? (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2849715
Суворов В. и др. Нокдаун 1941. Почему Сталин «проспал» удар? (сборник): Яуза-пресс; Москва; 2011
ISBN 978-5-9955-0261-6

Аннотация

Катастрофу 1941 года не раз пытались объяснить в «боксерских» терминах – дескать, пропустив сокрушительный удар, Красная Армия оказалась в глубоком нокдауне и смогла подняться лишь в самый последний момент, на счет «десять». Но война с Гитлером – это не «благородный» поединок, а скорее «бои без правил», где павшего добивают беспощадно, не дожидаясь конца отсчета, – и если Красная Армия выстояла и победила даже после такой бойни, спрашивается, на что она была способна, не «проспи» Сталин вражеское нападение, которое едва не стало фатальным для СССР…

Историки бились над тайной 1941 года почти полвека – пока Виктор Суворов не разрешил эту загадку, убедительно доказав: чудовищный разгром Красной Армии стал возможен лишь потому, что Гитлеру повезло поймать Сталина «на замахе»,

когда тот сам готовился напасть на Германию. И как бы ни пытался кремлевский агитпроп опровергнуть суворовское открытие, сколько бы ни отрицал очевидное, все больше специалистов выступают в поддержку «Ледокола». Новая книга проекта «Правда Виктора Суворова» обосновывает и развивает сенсационные откровения самого популярного и проклинаемого историка, перевернувшего все прежние представления о Второй Мировой.

Содержание

С Виктором Суворовым беседует Дмитрий Хмельницкий 6
Марк Солонин 25
1. Соотношение сил 26
2. Цена и результат 50
3. Простые ответы 76
Андрей Буровский 93
Идея завоевания мира 93
Исходная местечковость идеи 99
Идея завоевания Европы 102
Зачем коммунистам была необходима война? 105
Пропаганда наступательной войны 107
Технический потенциал Красной армии 113
Вермахт 116
Для чего стояла эта армия? 121
Минусы Красной армии 125
Армия из другой эпохи 130
Армия национальная или классовая? 133
О «дорогих органах» 135
О странных сталинских репрессиях Красной армии 137
Репрессии в РККА 1937–1938 141
Уничтожение лучших? 144

Виктор Суворов, Марк Солонин и др. Нокдаун 1941. Почему Сталин «проспал» удар?

С Виктором Суворовым беседует Дмитрий Хмельницкий

– Как Вы полагаете, почему Красная Армия, несмотря на многолетнюю подготовку к войне, была при первом же столкновении с Вермахтом летом 1941 г. почти мгновенно разгромлена?

– Советские войска готовились к совершенно другой войне, и это объясняет все. Это примерно как если бы мы готовились к экзамену по математическому анализу или физике, а нам устроили бы вдруг экзамен по анатомии какой-нибудь африканской зебры. Возникло бы полное несовпадение того, к чему мы готовились, и того, что случилось на самом деле. Все мои книги как раз об этом.

Вот известный пример. Была у нас Днепровская флотилия, которая перекрывала речной путь от Смоленска до Черного моря, не давала противнику идти на восток. Днепр –

великая река. Очень труднопреодолимое препятствие, если взорвать мосты и постреливать с другой стороны, не давая переправляться. Там дислоцировалась в 30-х гг. Днепровская флотилия. Вот эту Днепровскую флотилию расформировали перед самой войной и двинули в устье Дуная. Ну что ей делать в устье Дуная? В случае оборонительной войны это полнейшая глупость.

А вторую часть Днепровской флотилии двинули в реку Припять и вырыли канал до города Бреста, чтобы соединить с Бугом, Вислой и реками Германии. Зачем это делалось?

У меня есть доказательства того, что это не глупость и это не неготовность. Это готовность, но совсем к другой войне.

Вот скажем, всю войну немцы использовали наши мосты Н2П.

– Что это такое?

– Самый лучший в мире наплавной мост, назывался Н2П. Эти наплавные мосты были сосредоточены в районе государственных границ. Немцы напали, захватили мосты, которые мы заранее наготовили. После этого они легко форсировали Днепр, Березину и так далее.

Так отчего же немцы так быстро продвигались? Оттого, что мы не были готовы? Нет, быстрое продвижение немцев в направлении Москвы объясняется потрясающей готовностью Красной Армии к войне.

Вот еще пример. Советский Союз захватывает Западную

Украину, Западную Белоруссию, Эстонию, Литву, Латвию. Не хотите сказать «захватывает», говорите «освобождает», сказать можно все, что угодно. На этих территориях практически не было аэродромов, потому что они там никому не были нужны. А у немцев весь расчет был на тактическую авиацию. У них стратегической авиации не было, она, по большому счету, им была не нужна.

Им не нужно было разрушать Донбасс, промышленные центры – Ленинград, Москву и т.д. Им нужно было разгромить армию, и тогда и Донбасс, и Ленинград, и Москва достались бы им целыми, неуничтоженными. А чтобы разгромить армию, не нужен стратегический бомбардировщик, который бомбит неподвижные цели далеко в тылу. Нужен тактический бомбардировщик, с одним двигателем, который падает с неба вниз и уничтожает командный пункт, батарею противотанковую, колонну танков. Он работает по точечным подвижным целям. У таких самолетов очень небольшой радиус действия. Поэтому для того, чтобы продвигаться вслед за войсками, им нужны аэродромы. И если бы Советский Союз не готовился к войне, то произошло бы следующее: немцы нападают, вступают в Западную Украину и Западную Белоруссию, там аэродромов нет. Они продвигаются вперед, а базы авиации остаются далеко в тылу, на германской и покоренной польской территории. Покоренной немцами. А впереди у них огромная безаэродромная полоса.

Но когда немцы вступили в Западную Украину и Бело-

руссию, там обнаружились сотни взлетно-посадочных полос, на которых было заготовлено топливо, бомбы и т.д. Потому немцы так быстро и пошли вперед до Киева и Смоленска, что для них кто-то наготовил бетонированные аэродромы со всем необходимым. Наша подготовка к войне полностью работала на Гитлера.

– Оборонять страну можно двумя путями. Это легко представить себе на модели. Вот предположим, недалеко друг от друга находятся две враждебные деревни. Чтобы защититься от соседа, можно выстроить высокую стену, поставить там пулеметы, караулить круглосуточно и дать понять злому соседу, что лучше ему даже не соваться, хорошо не будет. А можно ничего не строить, а наоборот – сформировать команду охотников, самим в удобный момент напасть на соседей, захватить их деревню и тем самым надежно предотвратить нападение. Так вот, Советский Союз действовал по второму варианту?

– Да, именно так.

– Значит, поражение летом 41-го года было естественным завершением длительной и тщательной подготовки к войне. А когда эта подготовка началась?

– Она началась в 1917 г. Октябрьская революция сразу рассматривалась как пролог к мировой революции. Первая

попытка развязать Вторую мировую войну была предпринята советским правительством 13 ноября 1918 г. 11 ноября в 11 часов Первая мировая завершилась, а уже 13 ноября советское правительство отдало приказ Красной Армии идти вперед, и она пошла – в Эстонию, Литву, Латвию, с намерением дойти до Берлина. Но в то время уже шла Гражданская война, и ничего у них не получилось.

– А чем закончился этот поход?

– Этот поход закончился установлением советской власти в Эстонии, Латвии, Литве. Поэтому позже, когда речь заходила о 1940 г., Советский Союз обычно говорил, что тогда произошло ВОССТАНОВЛЕНИЕ советской власти в Прибалтике. Но потом белые там поднялись всякие, Юденич и прочие, быстренько вышибли оттуда большевиков, однако попытка эта в ноябре 1918 г. ринуться в Европу – была.

Потом была еще одна попытка, в 1920 г. «Даешь Варшаву, дай Берлин, уж врезались мы в Крым» – это марш Первой конной армии. Тогда Тухачевский шел на Варшаву, но по книгам его четко видно, что Варшава – это просто станционный полустаночек, они шли в Европу.

После неудачи Польского похода было два пути. Все лидеры большевиков отлично понимали, что сосуществовать с капиталистическим миром мы не можем, и в этом они были полностью правы. Потому Советский Союз и рассыпался в конце концов, что существовать рядом с нормальным че-

ловеческим обществом он не мог. Потому что Запад – это пример нормальной человеческой жизни для всего нашего покоренного населения. Так же как Северная Корея не способна сосуществовать с Южной Кореей. Люди смотрят туда, в Южную Корею, и спрашивают: «Почему же мы живем как-то иначе?» Точно так же и Восточная Германия не могла сосуществовать с Западной. Либо одно, либо другое победит, говорил товарищ Ленин.

Так вот, было два пути. Первый путь – путь Троцкого, то есть перманентная революция. Постоянно поддерживать любые силы, которые кто-либо где-либо поднимает против капитализма. Партизанскую войну, например, вроде той, которая велась в Польше в 20-х гг.

– В Польше тогда было советское подполье?

– Да, шла советская партизанская война. Ваупшасов, Рябцевич, Орлов, будущие руководители советского партизанского движения во Второй мировой войне, были партизанскими лидерами в Западной Украине, Западной Белоруссии в 23–24–25-м гг. Есть еще несколько фамилий, сейчас не помню. В книге «День М», кажется, я про наших партизанских лидеров писал.

Второй путь – путь Сталина: социализм в одной стране. Этот социализм у нас совершенно неправильно трактуется. Тот, кто говорит, что Сталин хотел построить социализм в одной стране, Сталина не читал. Сталин писал, что можно

добиться полной победы социализма в одной стране. Однако, продолжал он, окончательная победа социализма может быть только в мировом масштабе. И был тоже в этом прав. Что такое социализм? Ликвидация частной собственности. Это сделали. Съезд победителей в 1934 г. постановил, что социализм в Советском Союзе построен. Провели коллективизацию, всех загнали в колхозы, все встало под государственный контроль. Но, как говорил тов. Сталин, окончательная победа – это гарантия от реставрации капитализма. Оттого, что в мировом масштабе социалистическая революция не победила, окончательной победы у нас не вышло. Рухнуло все.

Так вот, путь Сталина – это социализм в одной стране, который строится как база грядущего освобождения человечества.

Вот вчера я получил удивительный плакат «Боевой карандаш № 1», где написано: «Фашизм – враг человечества. Нет фашизму!» Нарисована змея, которой наш красноармеец втыкает штык в горло, и вокруг четыре маленькие картиночки: «Фашизм – это уничтожение культуры» – какой-то варвар сжигает книги в огне. «Фашизм – это голод» – несчастная мама с умирающим ребенком. «Фашизм – это тюрьма» – нарисована тюрьма. «Фашизм – это война». Нарисован поджигатель войны. Имеется штамп: «Музей В.И.Ленина. Ленинградский филиал». Инвентарный номер. Даты нет, но «№ 1» говорит очень о многом. О том, что это самый первый

плакат из серии. То, что он подготовлен до войны, мне совершенно очевидно – в этом плакате нет ничего о защите нашего Отечества. Нет ничего о том, что фашизм – это враг Советского Союза, или русского народа, или советских народов. Фашизм – враг человечества. А мы освобождаем человечество – не себя защищаем, а освобождаем человечество от фашизма.

– Интересно, когда слово «фашизм» стало применяться по отношению к национал-социалистической Германии? Мне кажется, что это изобретение Сталина.

– Не знаю, когда он стал применяться, но термин этот я встречал в речах Сталина 1927 г.

– Это была явная коминтерновская пропаганда…

– Да. Гитлеровцы никогда себя фашистами не называли. В «Майн кампф» такого термина я не нашел. Фашистами называли себя итальянцы. Фашина – это римское название, обозначает связку прутьев, то есть, если переводить на понятный нам язык, это союз единомышленников.

– В советской пропаганде слово «фашизм» применялось к чему угодно, ко всем, кто считался в тот или иной момент врагом СССР.

– Вот именно. Поэтому социал-демократов в 1927 г. ста-

ли называть социал-фашистами. Мол, не верьте этому названию, не социал-демократы они, а социал-фашисты. Это был выдуманный, ничего не обозначавший ярлык, который навешивался куда угодно.

– Самое забавное, что этот сталинский ярлык применяется во всем мире до сих пор. Даже в Германии говорят про «фашистскую Германию», а не про «нацистскую». Отсюда и Советский Союз, который воевал и с нацистами, и вообще со всеми, с кем хотел, по-прежнему числится в «антифашистах». Хотя если считать, что «фашизм» – это разговорный синоним тоталитаризма (что правильно), то никак не мог СССР оказаться в «рядах антифашистов». По определению не мог. Антифашизм – это борьба за демократию, а не наоборот.

– Да, это чисто сталинская наклейка, которая лепилась куда угодно. Вот пример. Открываю словарь иностранных слов под ред. Лехина и проф. Петрова, Москва, 1949 г., стр. 323: «Консерватор. Первое значение латинское, второе: член реакционной политической партии буржуазии, ведущий империалистическую политику экспансии, насильственного подавления рабочего и революционного движения, ликвидации демократических свобод. В настоящее время партии консерваторов открыто переходят на сторону фа-

шизма». Так что наша Маргарита, которая миссис Тэтчер, вот куда, оказывается, клонила.

– Это было остроумное изобретение. Советская пропагандистская подготовка к будущей войне декларировала «войну с фашизмом», под которым подразумевались все враги, любые, без учета их политических различий. В «фашистах» мог оказаться кто угодно. Итак, первые попытки развязать войну в мировом масштабе начались в 1918 г., потом – польская война 1920 г., потом Сталин сместил и изгнал Троцкого, и примерно году в 28-м началась уже серьезная, долговременная подготовка к войне. Так?

– В экономическом плане она началась в 1927 г. Это первая пятилетка. Для того она и задумывалась. Хотя эти самые «немецкие фашисты» еще не были у власти. Будущие «фашисты» в это время проходили военную подготовку в Казани и других советских городах.

– Не был ли такой временной период – пятилетка – специально выбран для того, чтобы как раз за это время успеть подготовить страну к войне?

– Можно считать, что и так. Четкого мнения по этому поводу у меня нет. На мой взгляд, у Сталина было два плана: максимум и минимум. По всей видимости, он рассчитывал на одну или две пятилетки, потому что смотреть дальше впе-

ред никогда не получается. Когда мы пытаемся это делать, всегда нарушается пропорция: события кажутся нам либо очень отдаленными, либо близкими, а вот уловить определенный момент чисто психологически невозможно. Поэтому, возможно, первая пятилетка была организована Сталиным так, чтобы через пять лет начать ломать соседей. Ломать Польшу, ломать Европу. Но у Сталина могли быть и сомнения. В этом случае первая пятилетка была для него первым мощным заделом. Временем строительства производственной базы. А вторая пятилетка – дальнейшее развитие этой производственной базы и массовый выпуск оружия.

Вообще-то, никто не мог предполагать, что будет. Невозможно было предугадать ситуацию в Германии, если Гитлер придет к власти (1932–1933). Вполне вероятной, например, была гражданская война. Она ведь никак не исключалась, правда? В этом случае СССР проламывает Польшу и оказывает Германии прямую помощь. Так что долговременные прогнозы всегда могут быть ошибочны, их просто нельзя делать.

– Когда могла произойти следующая после 1920 г. советская попытка реально спровоцировать европейскую войну?

– Мировая война приблизилась вплотную в 36–37 гг. И вот почему. В 1936 г. вспыхивает Гражданская война в Испании. Тогда Советский Союз начинает давить на Францию и

Великобританию: «Там же дети гибнут, там Пикассо картину пишет, разрушили деревню, проклятые фашисты…» Интернациональные бригады рвутся в Испанию, а Сталин гонит туда военных советников. Чтобы понять серьезность намерений Сталина, надо просто посмотреть, кого он туда послал. Вот список этих советников. Тогда они были лейтенантами, капитанами, полковниками, однако это были самые перспективные командиры Красной Армии, которых Сталин наметил к выдвижению. Испания была для них последней проверкой. Большинство после возвращения из Испании стремительно пошли вверх. Вот вершины, которых достигли некоторые из военных советников через несколько лет:

Малиновский, Маршал СССР, министр обороны СССР.

Мерецков, начальник Генштаба, Маршал СССР.

Кулик, заместитель народного комиссара обороны, Маршал Советского Союза.

Кузнецов, Адмирал флота Советского Союза, военно-морской министр, на протяжении всей войны член Ставки Верховного Главнокомандующего. В Испании он был морским офицером, громил конвои, которые шли через Майорку, Минорку.

Воронов, главный Маршал артиллерии, командующий артиллерией Вооруженных Сил СССР.

Неделин, главный Маршал артиллерии, заместитель министра обороны, главнокомандующий ракетных войск стратегического назначения.

Огольцов, Маршал авиации, командующий дальней авиацией, первый зам главкома ВВС.

Казаков, Маршал артиллерии, командующий ракетными войсками артиллерии сухопутных войск.

Рычагов, генерал-лейтенант авиации, начальник Главного управления ВВС.

Мансуров, генерал-полковник, первый замначальника ГРУ.

Вечный, генерал-лейтенант, военный адъютант Сталина.

Проскуров, генерал-лейтенант авиации, начальник ГРУ.

Датов, Павлов, Колпакчи, Лященко – генералы армии.

Родимцев, Романенко, Штерн, Шумилов, Юшкевич – генерал-полковники…

Всего более четырех десятков генералов, адмиралов… Чувствуете, какой букет? Вот я их собрал и обалдел. После возвращения из Испании все военные круто пошли вверх. Кроме того, там были разведчики. А самым главным человеком там был Антонов-Овсеенко. Официально он занимал должность генерального консула в Барселоне, но это было прикрытием. Это тот Антонов-Овсеенко, который брал Зимний дворец, потом давил мужиков в Тамбовской губернии, Тухачевский у него был тогда по военным делам. Этот консул вывез весь испанский золотой запас через Средиземное море, но по возвращении его расстреляли. Главным военным советником был Берзин, начальник Четвертого управления (впоследствии ГРУ). Его тоже расстреляли. Я это объясняю

так: военные свое дело сделали – и все пошли вверх. А вот разведчики, политики, тот же Антонов-Овсеенко – они своей задачи не выполнили. А задача была – развязать Вторую мировую войну.

Сталин защищал испанских детей. А у нас только что коллективизация прошла, сколько миллионов погибло… Если бы он втянул Испанию, Англию и Францию в войну и она бы распространилась дальше на Италию и Германию, тогда бы все европейские страны оказались втянуты. А там, кроме того, были интернациональные бригады – и американцы, и шведы, и прочие. Могло получиться, что и США, и какая-нибудь Канада, и Мексика, и другие тоже втянулись бы в войну.

28 марта 1939 г. пал Мадрид, последний бастион республики. Война в Испании была как бы своеобразным прологом Второй мировой войны. Интернационалистов-добровольцев там было 42 тысячи человек, из 54 стран мира. Кто-то организовал пропаганду – давайте, ребята, слетайтесь в Испанию. Почему-то, когда Советский Союз воевал в Финляндии, никто интернациональных бригад не собирал. Но вот что интересно. Я занимался этими интернациональными бригадами. Так вот, когда они попадали в Испанию, у них забирали документы. А потом обязательно попадал снаряд в здание, где хранились эти документы, или сгорал грузовик, который их перевозил. Таким образом советская разведка получала на десятки тысяч молодых мужиков настоя-

щие паспорта. Американские, голландские, бельгийские…

Это номер один. А вот второй момент. Когда человек туда приезжал и у него забирали паспорт, он превращался в раба. Денег у него нету, на север – море, на запад – море, на восток – Пиренейские горы, убежать он не мог. Побег из интернациональной бригады карался смертью. Система была продумана очень четко. Я считаю, что это организовал Советский Союз, хотя доказательств у меня нет. Но то, что их эксплуатировали по полной программе, – это точно.

Один интернационалист в Барселоне все-таки прозрел. Он видел, как пытают людей и все прочее. Вернулся оттуда прозревшим и написал потом книгу. Орвелл, «1984 год»…

Конечно, все это делалось на советские деньги. Кто-то платил людям, которые туда ехали… Это была попытка развязать Вторую мировую войну вдали от советских территорий. Для чего Сталин не жалел ни танков, ни советников. Но мировой войны не получилось. Немедленно после окончания Гражданской войны в Испании, в марте 1939 г., Сталин меняет внешнюю политику. Уже в мае он снимает Литвинова, который, как еврей, не может действовать в качестве министра иностранных дел, и переводит стрелки на Польшу, на Германию.

– Есть очень интересная книга «Русские добровольцы в Испании», выпущенная в Сан-Франциско в 1983 г. Автор – А.П. Яремчук 2-й. Он рассказал о белогвар-

дейцах, которые воевали на стороне Франко и остались победителями. Их всего было человек тридцать.

– Есть у меня эта книга. В «Красной Звезде» была когда-то опубликована статья о том, что проклятые белогвардейцы, потерпев поражение в своей стране, встали под знамена фашистов и воевали против собственного народа, против советских добровольцев на стороне фашистов. Однако у генерала Франко не было колхозов, и если испанцу что-то не нравилось, он мог плюнуть, взять и уехать в какую-нибудь Аргентину. А советский мужик в то время уже в колхозе сидел. Я считаю, что, воюя в Испании, русские добровольцы тем самым спасали честь своей страны.

Испания – это была самая реальная возможность начать Вторую мировую войну. В 1936 г. в Германии вообще никаких танков не было, только-только что-то начинало строиться. И в Италии еще ничего особенного не было. В то время советский перевес был бы еще круче. А если бы в Испании развязалась Вторая мировая война и были бы втянуты Великобритания, Франция, Германия, Италия и Испания…

– Да, тогда о Польше вообще бы никто не позаботился.

– Это выглядело бы так: мы идем освобождать Европу, а тут какая-то шавка у нас под ногами. Ей пришили бы аморальное поведение. Мы идем детей спасать, а она нас не пускает.

– Существует мнение, что Сталин в очередной раз готовился к прыжку летом 40-го года, рассчитывая на то, что Германия глубоко увязнет во Франции.

– Да, это была бы идеальная ситуация. Никто не ожидал падения Франции, даже Гитлер не предполагал, что все произойдет так быстро.

– Как вы считаете, можно ли, исходя из ситуации 1941 г., считать нападение Германии на СССР превентивным?

– Я считаю, что ни с той, ни с другой стороны нападение не могло быть в полной мере превентивным. Когда говорят, что Сталин хотел предупредить германское нападение своим, то это чепуха, потому что в германское нападение он вообще не верил. А с германской стороны оно было более или менее превентивным, но несколько с иной точки зрения. Гитлер не видел непосредственной угрозы, потому что Сталин отлично замаскировал свои действия, а германская разведка была чересчур слаба и советские военные приготовления толком не раскусила. Однако со стратегической точки зрения Гитлер совершенно отчетливо понимал: если он высадится в Британии, то товарищ Сталин его долбанет.

– Поставим вопрос по-другому. 1939 год, пакт Молотова – Риббентропа. В том, что Сталин планировал его

нарушить, сомнений нет. А собирался ли нарушить его Гитлер? Или он заключал пакт всерьез, с намерением его соблюдать? Если не собирался, значит, он заранее готовил войну на два фронта.

– Есть достаточно свидетельств того, что он заключал пакт всерьез. И он не был так глуп, чтобы готовить войну на два фронта.

– Но оказался достаточно глуп, чтобы подставиться Сталину…

– По-моему, главная идея Гитлера в то время – консолидировать Германию. Он не предвидел и не планировал Второй мировой войны. По-моему, он просто залетел с Великобританией и Францией. Его задача была объединить все области, населенные немцами. В то время Гитлеру надо было вырваться из Версальского договора, надо было вернуть германские земли, надо было вернуть Данциг, ему, конечно, было мало Восточной Пруссии, ему хотелось, чтобы Германия не была разорвана на половинки. Он сначала хотел консолидировать Германию, построить хорошие дома, наладить рождаемость, поднять жизненный уровень, а потом уже…

– То есть в 1939 г. он решал сугубо тактические задачи, не понимая, что вляпывается…

– Да, я так думаю.

– Значит, заключая пакт, он действительно хотел разделить сферы влияния, и все? Никакой войны за жизненное пространство на Востоке не предполагалось?

– Да, только раздел сфер влияния. И Восточная Пруссия объединяется с Германией…

– Если Гитлер не собирался обманывать Сталина, то тогда стратегически нападение на СССР было превентивным.

– С точки зрения большой политики – да. Гитлер в 1940 г. осознал, что Сталин не остановится на достигнутом. Когда Сталин вошел в Румынию, Гитлер дрогнул. А потом Молотов приехал в Берлин, поговорил с Гитлером, и тот все наконец понял. Да, с этой точки зрения война превентивная. Гитлер подумал, что если сейчас, когда я воюю с Британией и Францией на континенте, они мне руки выламывают, то что же будет потом, когда я рыпнусь на Британию. А Британия на мир не идет, и покорить ее нельзя, при ее-то количестве колоний.

А прямого интереса к советской территории у Гитлера тогда быть не могло. У него уже были голландские колонии, и Дания, и Словения, и Чехословакия, и часть Польши, так что жизненного пространства хватало.

Марк Солонин
Простая причина великой катастрофы

Летом 1941 г. с Красной Армией произошло что-то нехорошее. В различные периоды истории нашей страны это «что-то» получало различные названия: от «временных неудач» до «катастрофического разгрома». Соответственно, и поиск причин и объяснений произошедшего приобретал различную остроту. Одно дело – искать причины «временных неудач». Простой здравый смысл и личный опыт каждого взрослого человека сразу же подсказывает очевидный ответ: «эка невидаль, с кем не бывает». Совсем другое дело – попытаться объяснить катастрофический разгром крупнейшей сухопутной армии мира. Поэтому, прежде чем искать причины явления, постараемся возможно точнее определиться с масштабом и фактическим содержанием произошедшего.

1. Соотношение сил

К началу Второй Мировой войны Советский Союз был вооружен и – по мнению многих – очень опасен. Точные цифры, характеризующие численный состав и вооружение Красной Армии (равно как и армии любой другой мощной державы того времени), назвать невозможно. Причина этого очень проста – накануне большой войны СССР, Германия, Польша, Франция, Италия и пр. непрерывно наращивали свою военную мощь. Формировались все новые и новые части и соединения, стремительно обновлялся танковый и авиационный парк, менялись штатные расписания и структура соединений, менялись принципы и схемы перевода армии из состояния мирного в состояние военного времени. Точные до последней запятой цифры указать в подобной ситуации **нельзя,** но – как станет ясно из дальнейшего – это не создает больших проблем для исследователя, так как при том численном превосходстве, которым обладала Красная Армия, небольшие «погрешности измерения» не имеют принципиального значения.

Гитлеровская Германия начала подготовку к войне с большим (относительно Советского Союза) опозданием. В то время (первая половина 30-х гг.), когда в обстановке жесточайшего мирового экономического кризиса крупная буржуазия промышленно развитых стран мира (США, Англии,

Франции, Германии) наперегонки бросилась продавать Сталину военную технику, технологию, станки и целые заводы в полной комплектации, Гитлер еще только «зачищал» политическое пространство своей власти в Германии, а новорожденный Вермахт проводил полевые учения с картонными макетами танков. Безрассудная и самоубийственная политика Запада позволила Сталину превратить гигантские финансовые ресурсы (как насильственно изъятые у прежних владельцев, так и вновь созданные трудом многомиллионной армии колхозных и гулаговских рабов) в горы оружия и военной техники. Уже в 1937 г. на вооружении советских ВВС числилось 8139 боевых самолетов – примерно столько же будет два года спустя на вооружении Германии (4093), Англии (1992) и США (2473), вместе взятых. К 1 октября 1939 г. самолетный парк советских ВВС вырос в полтора раза (до 12 677 самолетов) и теперь уже превосходил общую численность авиации всех участников начавшейся мировой войны. По числу танков (14 544 – и это не считая устаревшие Т-27 и легкие плавающие Т-37/38) Красная Армия в начале 1939 г. ровно в два раза превосходила армии Германии (3419), Франции (3286) и Англии (547), вместе взятые.

Всеобщая воинская повинность в Германии была введена только 16 марта 1935 г. К лету 1939 г. в составе Вермахта была уже 51 дивизия (в том числе – 5 танковых и 4 моторизованных), а в составе Красной Армии – 100 стрелковых дивизий (считая имевшиеся 5 стрелковых бригад за две «рас-

четные дивизии»), 18 кавалерийских дивизий и 36 танковых бригад. В дальнейшем обе державы стремительно наращивали численность своих вооруженных сил, причем разрыв между ними непрерывно сокращался (Германия «догоняла» своего будущего противника). С другой стороны, к лету 1941 г. радикально изменилась геополитическая ситуация: дивизии Вермахта были разбросаны на огромных пространствах от Северной Норвегии до Северной Африки, от Бреста на Атлантическом побережье Франции до Брест-Литовска на реке Западный Буг. В результате из примерно 200 дивизий (всех типов), которыми располагала гитлеровская Германия в начале лета 1941 г., на западной границе Советского Союза в составе трех групп армий («Север», «Центр», «Юг») к 22 июня были сосредоточены 91 пехотная дивизия, 17 танковых и 9 моторизованных дивизий (в общее число «91 пехотная дивизия» мы включили 4 легкопехотные, 1 кавалерийскую, 4 горнострелковые дивизии и 5 боевых дивизий СС). **Всего – 117 дивизий.**

В дальнейшем в течение нескольких недель и месяцев состав этой группировки постепенно увеличивался за счет ввода в бой резервов: 2 танковых дивизий (появившихся на Восточном фронте лишь к началу битвы за Москву), одной моторизованной, 24 пехотных дивизий. Кроме того, с 29 июня начались бои в Заполярье (в направлении Мурманска и Кандалакши), в которых приняли участие еще 4 немецких дивизии (точнее говоря, три дивизии и «группа СС Норд», по

численности соответствующая стрелковой бригаде). **Итого – 148 немецких дивизий.** 10 июля 1941 г. началось наступление финской армии в Карелии, и таким образом общий состав группировки противника увеличился на 1 немецкую и 16 финских пехотных дивизий – значительно уступавших Вермахту в вооружении и оснащении, но ничуть не уступавших в боевом духе. Пресловутые «190 дивизий противника», неизменно присутствующие (причем якобы с первого дня войны!) во всех сочинениях советских историков, были получены путем сложения в одну кучу боевых частей Вермахта и СС, 9 немецких охранных дивизий, дивизий резерва Верховного командования и войск союзников гитлеровской Германии, включая итальянцев, венгров и словаков, которых летом 1941 г. на советской территории не было вовсе.

Советский Союз к 22 июня 1941 г. имел вооруженные силы, состоящие из 198 стрелковых, 13 кавалерийских, 61 танковой, 31 моторизованной дивизии. **Всего – 303 дивизии.** Кроме того, в составе Красной Армии были и такие, не имеющие прямых аналогов в войсках вторжения Вермахта соединения, как 16 воздушно-десантных бригад и 10 противотанковых артиллерийских бригад (ПТАБР). По принятой традиции мы не стали включать в общий перечень части и соединения войск НКВД, численность которых (154 тыс. чел.) соответствовала 10 «расчетным дивизиям». Разумеется, не вся эта колоссальная сухопутная армия находилась на западной границе. Сколько дивизий было на Западе? На этот

простой вопрос, к сожалению, невозможно дать точный ответ. Красная Армия находилась в движении. В мае 1941 г. началась, а в июне продолжилась и значительно увеличилась в масштабе крупнейшая в истории СССР, России и мира передислокация войск. Не отвлекаясь ни на секунду на дискуссию о причинах, побудивших Сталина начать эту грандиозную операцию по переброске войск, попытаемся хотя бы ориентировочно оценить состав группировки советской действующей армии.

Последний из известных довоенных документов – справка «О развертывании Вооруженных Сил СССР на случай войны на Западе», подписанная заместителем начальника Генштаба Н.Ватутиным 13 июня 1941 г., – предусматривал следующее распределение сил: 186 дивизий в составе действующих фронтов, 51 дивизия в составе пяти (16, 19, 22, 24, 28-й) армий резерва ГК, развертываемых в полосе от западной границы до линии Брянск – Ржев. Итого – 237 дивизий для «войны на Западе». Имеющиеся, сверх того, 66 дивизий распределялись по внутренним округам, в частности 31 дивизия (десятая часть всех Вооруженных Сил СССР) на Дальнем Востоке. Далее Ватутин пишет: *«При таком распределении сил необходимо дополнительно запланировать перевозку по железной дороге… всего 33 дивизий… Для перевозки потребуется около 13 дней… боевые части могут быть перевезены за 10 дней».* Еще раз напомним, что цитируемый документ составлен 13 июня. Даже если увеличить названные

Ватутиным сроки в два раза, получается, что полное сосредоточение группировки Красной Армии могло закончиться к 10 июля. Другими словами, Гитлеру сильно повезло.

Отсрочка вторжения всего на две недели могла бы привести к тому, что 117 немецких дивизий начали бы наступление против двукратно превосходящей группировки противника. Но и в реальной истории численное превосходство было на советской стороне.

22 июня в составе войск четырех приграничных округов (Прибалтийский, Западный, Киевский, Одесский) было 149 дивизий (не считая ПТАБРы, 7 кавалерийских дивизий и 12 воздушно-десантных бригад учтены как 7 «расчетных дивизий»). Кроме того, к 22 июня на территории западных округов было сосредоточено по меньшей мере 16 дивизий второго стратегического эшелона. Таким образом, к началу боевых действий Красная Армия имела на Западном ТВД **165 дивизий,** в том числе 40 танковых и 20 моторизованных. Сравнивая эти цифры с группировкой противника (117 дивизий, в том числе 17 танковых и 9 моторизованных), можно сразу же отметить не только общее количественное превосходство советских войск, но и значительно большую долю в их числе танковых и моторизованных соединений. Впрочем, и по числу стрелковых (пехотных) дивизий Красная Армия имела некоторое превосходство над противником (105 против 91). Вопреки тысячекратно повторенному огромной армией советских историков вранью про «6 тысяч человек в

дивизии», состав стрелковых дивизий приграничных округов (при штатной численности 14 483 чел.) к началу войны был следующим: 21 дивизия по 14 тыс. человек, 72 дивизии по 12 тыс. человек и 6 дивизий по 11 тыс. человек.

В дальнейшем численность группировки советских войск стала возрастать – причем в значительно большем масштабе и с большей скоростью, нежели группировка Вермахта и его союзников. В конце июня в бой вступили части и соединения Ленинградского ВО: 15 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованные дивизии. К 10–15 июля была в основном завершена передислокация на ТВД войск второго стратегического эшелона (16, 19, 20, 21, 22, 24 и 28-й армий). В середине июля в составе действующей армии было уже порядка **235 дивизий.** К концу июля 1941 г. сформированы 29, 30, 31, 32, 33, 43, 49-я армии. Всего в ходе двухмесячного Смоленского сражения было введено в бой 104 дивизии и 33 бригады. В общей сложности до 1 декабря 1941 г. на западное стратегическое направление Ставка направила **150 дивизий и 44 стрелковые бригады,** на ленинградское и киевское направления – еще **140 дивизий и 50 стрелковых бригад.** А ведь кроме стрелковых (пехотных) соединений формировались еще и кавалерийские, танковые, артиллерийские бригады и дивизии…

Причина, по которой Красная Армия наращивала свою численность в объемах, совершенно недосягаемых для противника, предельно проста. То количество дивизий, кото-

рое Вермахт смог сосредоточить у границ Советского Союза, представляло собой максимум, достигнутый 80-миллионной Германией через два года после начала всеобщей мобилизации. Добавить к этому «максимуму» было почти что нечего. С другой стороны, те 235 дивизий, которые Красная Армия сосредоточила на фронте к середине июля 1941 г., представляли собой минимум, который 200-миллионный Советский Союз смог сформировать в рамках скрытой, тайной мобилизации еще ДО объявления открытой всеобщей мобилизации. 23 июня 1941 г. была начата открытая мобилизация, и уже к 1 июля в ряды Вооруженных Сил было призвано 5,3 млн человек (что означало увеличение общей численности военнослужащих в два раза по сравнению с состоянием на 22 июня). Но 1 июля мобилизация, разумеется, не закончилась. Она еще только начиналась. В итоге до конца 1941 г. было мобилизовано в общей сложности 14 млн человек. Располагая таким огромным людским ресурсом, командование Красной Армии могло как восполнять потери личного состава частей действующей армии, так и формировать все новые, новые и новые соединения. В целом во втором полугодии 1941 г. общий располагаемый «ресурс» личного состава (первоначальная численность действующей армии плюс пополнения и отправленные на фронт новые формирования) сторон соотносился как **2,7 к 1**. В связи с тем что открытая мобилизация в СССР была объявлена не до, а после начала боевых действий, в первые дни и недели войны численное превос-

ходство Красной Армии над Вермахтом в личном составе и общем количестве дивизий было относительно небольшим (примерно 1,3 к 1). Превосходство же в наиболее современных и эффективных (для того времени) родах войск – танках и авиации – было подавляющим с первых дней войны.

В составе войск немецкой группы армий «Север» имелось 3 танковых дивизии, на вооружении которых было 602 танка. Противостоящие ей войска советского Северо-Западного фронта в период с 22 июня по 6 июля ввели в бой четыре мехкорпуса (12, 3, 21 и 1-й без одной танковой дивизии, которая воевала в это время в Заполярье), на вооружении которых было 2188 танков. Соотношение численности 3,6 к 1. В скобках заметим, что подготовленный военно-исторической службой Генерального штаба Российской армии под общей редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева статистический сборник «Гриф секретности снят» на стр. 368 сообщает, что в ходе «Прибалтийской оборонительной операции» в период с 22 июня по 9 июля войска С-З. ф. потеряли 2523 танка. Так что указанное нами (здесь и далее) количество танков в составе мехкорпусов Красной Армии занижено (вероятно, из-за недоучета процесса поступления новых танков, каковой процесс 22 июня 1941 г. отнюдь не закончился). Для самых дотошных читателей отметим, что немецкие танкисты в ходе боевых действий тоже получали новые танки. В частности, в период до 10 сентября 1941 г. три танковые дивизии группы армий «Север» получили следующие

подкрепления: 1-я тд – ноль, 6-я тд – 2 (два) чешских танка Pz-35(t), 8-я тд – ноль. Всего же на Восточный фронт до 10 сентября поступило 10 (десять) Pz-IV, 35 (тридцать пять) Pz-III и 44 (сорок четыре) чешских Pz-35/38(t). Вот так «на Гитлера работала вся Европа»…

Самая мощная немецкая группа армий «Центр» имела в своем составе 9 танковых дивизий, 1936 танков. Противостоящий ей Западный фронт в период с 22 июня по 6 июля ввел в бой шесть мехкорпусов (11, 6, 13, 14, 7 и 5-й без 109-й мсд) и отдельную 57-ю тд, на вооружении которых было 4365 танков. Соотношение 2,25 к 1. Правда, на стр. 368 сборника «Гриф секретности снят» сообщается, что потери танков Западного фронта с 22 июня по 9 июля составили 4799 машин.

В составе группы армий «Юг» было 5 танковых дивизий, 728 танков. Противостоящие ей войска Юго-Западного и Южного фронтов имели в своем составе десять мехкорпусов (22, 15, 4, 8, 16, 9, 19, 24, 2, 18-й). В полосе Ю-3. ф. воевала и 109-я мсд из состава переброшенного на Западный фронт 5-го мехкорпуса. Эта огромная бронированная орда насчитывала 5826 танков. Соотношение 8 к 1.

В целом на вооружении 17 немецких танковых дивизий было 3266 танков (а если – что будет совершенно логично – вычесть из общей численности 146 безоружных «командирских танков» и 152 учебно-боевые танкетки Pz-I с пулеметным вооружением, то у немцев не набирается и трех тысяч танков). Этой «стальной лавине» уже в первые 2 неде-

ли войны было противопоставлено 20 советских мехкорпусов, имевших до начала боевых действий **12 379 танков.** Соотношение численности танков 3,8 к 1. Для полной ясности уточним, что в расчет не были включены 11 дивизионов и 7 батарей самоходных «штурмовых орудий», что добавляет к немецким бронетанковым вооружениям еще 246 машин (включая бронированные транспортировщики боеприпасов). С другой стороны, мы не учли два формирующихся в Западном **ОВО** мехкорпуса, 17-й МК и 20-й МК, на вооружении которых было 63 и 94 танка соответственно, не учли танковые полки кавалерийских дивизий, не учли полторы тысячи легких плавающих танков в составе разведывательных подразделений стрелковых дивизий и корпусов. Общий состав танкового парка Красной Армии на 1 июня 1941 г. (не считая 2,4 тыс. устаревших танкеток Т-27, не считая 3,6 тыс. легких плавающих Т-37/Т-38/Т-40) выражался немыслимой ни для одной другой армии мира цифрой **19 540 танков.** Кроме того, на вооружении числилось 3258 пушечных бронеавтомобилей, по своему вооружению (45-мм пушка в танковой башне) превосходивших две трети того, что в Вермахте называлось громким словом «танк»…

Совершенно уникальной была и степень механизации советской артиллерии. По штатному расписанию обычной (не мотострелковой!) стрелковой дивизии Красной Армии гаубичному артиллерийскому полку полагалось два трактора на одну гаубицу, 90 грузовых и 3 легковые автомашины. В

отдельном противотанковом дивизионе стрелковой дивизии на 18 «сорокапяток» приходилось 24 автомашины и 21 тягач. Причем в качестве тягача предполагалось использовать бронированный гусеничный «Комсомолец» – созданный на базе узлов и агрегатов легкого танка Т-38, вооруженный пулеметом в шаровой установке и в целом соответствующий по боевым возможностям немецкой танкетке Pz-I.

Это – штатное расписание апреля 1941 г. К началу войны довести укомплектованность стрелковых дивизий до таких высот (два тягача на одну гаубицу) не успели (на что неустанно ссылались все советские историки). Что же было сделано в реальности? Уже в феврале 1941 г. в РККА числилось 34 тыс. тракторов (гусеничных тягачей), 214 тыс. автомашин всех типов и 11,5 тыс. мотоциклов. К началу войны количество тракторов (гусеничных тягачей) выросло до 44 900 единиц. В том числе 7780 бронированных «комсомольцев». Теперь сравним количество средств мехтяги с количеством артсистем. К 22 июня во всей Красной Армии числилось 14,9 тыс. противотанковых пушек и 17,9 тыс. гаубиц и пушек калибра более 76 мм. Как видим, уже к 22 июня количество тягачей превысило число орудий.

Но 22 июня 1941 г. оснащение Красной Армии военной техникой отнюдь не завершилось. Этот очевидный (казалось бы) факт яростно игнорировался в советской историографии. И тем не менее в ходе начавшейся 23 июня открытой мобилизации Вооруженные Силы получили еще 31,5 тыс.

тракторов и 234 тыс. автомобилей. В результате укомплектованность войск тракторами (тягачами) было доведена до 80% от штатной потребности, т.е. от тех самых двух тягачей на одну гаубицу.

Вопреки всеобщему заблуждению, рация в Красной Армии тоже была. И далеко не одна. На начало января 1941 г. в Вооруженных Силах СССР числилось:

– фронтовых радиостанций 40 штук (т.е. 8 на каждый из пяти будущих фронтов);

– армейских 845 штук (полсотни на одну общевойсковую армию);

– полковых (5АК) 5909 штук (примерно 4 штуки на полк).

Самыми крупными в мире были и советские ВВС. По числу авиационных эскадрилий, летных экипажей и боеготовых самолетов советская авиация также имела значительное (а на южном и северном флангах огромного фронта – подавляющее) превосходство над Люфтваффе. В упомянутом выше докладе Ватутина от 13 июня 1941 г. сообщается о наличии *«всего 218 боеспособных* (без учета новых, формирующихся. – *М.С.*) *авиаполков»*. Правда, уже в следующем абзаце, где указано распределение этих сил по фронтам (именно этот термин, «фронт», использован в тексте от 13 июня), суммирование приводит к числу 225 авиаполков, т.е. 1125 эскадрилий. Чуть более половины этих сил было развернуто на Западном ТВД (применительно к событиям первых недель советско-германской войны под театром во-

енных действий следует понимать небо над Карелией и Мурманском, Прибалтикой, Белоруссией, Правобережной Украиной, Молдавией и Крымом). Минимальные из имеющихся в нашем распоряжении цифр позволяют определить численность группировки советских ВВС (включая авиацию Балтийского и Черноморского флотов) в 136 авиаполков **(680 эскадрилий), 7200 летных экипажей** (в том числе порядка 3,6 тыс. летчиков-истребителей). Противник (1, 2, 4-й и некоторые части 5-го воздушных флотов Люфтваффе) имел в своем составе 63 группы (авиаполка), т.е. **189 эскадрилий, 2110 летных экипажей** (в том числе 910 летчиков-истребителей). Соотношение по числу эскадрилий 3,6 к 1. По числу экипажей – 3,4 к 1. По числу летчиков-истребителей – 4 к 1. А за спиной группировки советской авиации, развернутой на Западном ТВД, стоял практически равный по численности (порядка 120 авиаполков) резерв во внутренних округах, в Закавказье и на Дальнем Востоке.

Самое неблагоприятное для советских ВВС соотношение сил сложилось в полосе наступления группы армий «Центр». Здесь сосредоточена самая мощная группировка Люфтваффе (2-й воздушный флот) и самая слабая группировка советской авиации (ВВС Западного фронта и 3-й дальнебомбардировочный корпус). Но даже и на этом направлении численное превосходство было на стороне советской авиации (по числу эскадрилий – 1,6 к 1, по числу экипажей – 1,4 к 1, по числу летчиков-истребителей – 1,5 к 1).

На северном и южном флангах (Прибалтика, Украина) численное превосходство советской авиации над немецкой было огромным. В полосе наступления группы армий «Юг» (4-й ВФ Люфтваффе) советские ВВС превосходили противника по истребителям в 5,4 раза, по экипажам бомбардировщиков – в 4,4 раза. В полосе наступления группы армий «Север» (1-й и часть сил 5-го ВФ Люфтваффе) соотношение численности летчиков-истребителей составляет 7,2 к 1, экипажей бомбардировщиков – 4,3 к 1. Хилые силы немецкой авиации были настолько малы – как в сравнении с численностью ВВС Красной Армии, так и в сравнении с прогнозами советской разведки, – что в докладе штаба Северо-Западного фронта №3, подписанном в 12 часов дня 22 июня 1941 г., утверждалось дословно следующее: *«Противник еще не вводил в действие значительных сил ВВС, ограничиваясь действием отдельных групп и одиночных самолетов»*.

Мы не стали приводить цифры, характеризующие число боевых самолетов сторон, по двум причинам. Во-первых, потому, что самолет в военной авиации – это расходный материал. Причем весьма быстро расходуемый: средний срок «жизни» самолета на войне исчисляется двумя-тремя десятками боевых вылетов. После этого его или сбивает противник, или он сам ломается в аварии, или его просто выводят из боевого состава на замену двигателей, реальный ресурс которых в боевых условиях не превышал 50–100 моточасов.

Во-вторых, исправных самолетов в ВВС западных округов было гораздо больше, чем летчиков (советская авиация стремительно обновляла самолетный парк, и во многих авиаполках – особенно истребительных – скапливалось по два комплекта самолетов). Поэтому оценка соотношения сил по числу самолетов (вместо оценки по числу экипажей и эскадрилий) привела бы нас к совершенно астрономическим цифрам.

Несколько слов следует сказать и об авиации союзников Германии. В боевых действиях в небе Карелии участвовали два финских истребительных и один бомбардировочный полк, на вооружении которых было порядка 180 боевых самолетов. Румынские ВВС располагали 8 эскадрильями истребителей и 11 эскадрильями бомбардировщиков, на вооружении которых к началу войны было около 200 самолетов. Разумеется, финские и румынские ВВС не могли сколь-нибудь существенно повлиять на соотношение сил сторон и ход боевых действий, тем более что им предстояло действовать именно на тех участках общего фронта, где численное превосходство советской авиации было огромным. Тем не менее совсем сбрасывать со счетов их не следует. Прежде всего это относится к ВВС Финляндии, летчики которой накопили за три месяца ожесточенных воздушных боев «зимней войны» 1939–1940 гг. значительный боевой опыт. В целом можно предположить, что авиация союзников увеличила процентов на 10 боевой потенциал Люфтваффе.

Спустимся теперь с небес на землю и посмотрим на эту землю (точнее говоря – на географическую карту западных районов Советского Союза) пристальным взглядом. Война разворачивается, как всем известно, не на гладкой шахматной доске, а на реальной местности, с ее оврагами, ухабами, озерами, горами и болотами. И если никаких «наступательных» или «оборонительных» танков и самолетов нет и не было, то местность, напротив, может помогать или обороняющейся, или наступающей стороне. Это придумано не нами, и термины «танконедоступная местность», «танкоопасное направление» давно и прочно заняли свое место в военной литературе. Это тем более верно и значимо для армий 40-х гг., в которых мотострелковые батальоны танковых дивизий передвигались не на гусеничных бронетранспортерах, а на обычных, «гражданских» грузовиках и трофейных автобусах; да и немецкие танки на своих узких гусеницах застревали после первого же дождя на той местности, которая в России называется «дорогой».

Обратившись к карте, мы увидим, что немецкая группа армий «Север» сразу же после перехода границы «утыкалась» в полноводную реку Неман, причем в ее нижнем (т.е. наиболее широком) течении. Далее, форсировав множество малых рек и речушек, немецкие дивизии примерно в 250 км от границы выходили на берег широкой судоходной реки Западная Двина (Даугава), причем опять же в ее нижнем те-

чении. Еще через 200–250 км на пути к Ленинграду немецкие войска должны были форсировать реку Великая, к северу от которой дорогу на Ленинград намертво перекрывала система Чудского и Псковского озер. И это – самый лучший из предоставленных природой вариантов. Войска групп армий «Центр» и «Юг» ждали гораздо более серьезные препятствия.

Местность в полосе наступления 3-й и 2-й танковых групп (Южная Литва и Западная Белоруссия) совершенно «противотанковая». С севера Белостокский выступ прикрывает полоса непролазных болот в пойме лесной реки Бебжа, на юге граница была проведена по берегу судоходной реки Западный Буг (опять-таки в его нижнем течении). После форсирования Буга немцев ждали заболоченные берега реки Нарев и сплошной ряд лесных рек, притоков Припяти (Ясельда, Щара, Цна, Случь, Птичь). Немногочисленные дороги среди дремучих лесов и болот Западной Белоруссии представляют собой некое подобие горных ущелий: застрявшую (или подбитую) головную машину колонны не объехать и не обойти. Восточнее Минска полосу наступления группы армий «Центр» с севера на юг пересекают две полноводные реки, с которыми в свое время имел несчастье познакомиться Наполеон: Березина и Днепр.

Группа армий «Юг» могла начать вторжение практически лишь через узкий (100–120 км) «коридор» между городами Ковель и Броды. С севера этот коридор ограничен абсолют-

но непроходимой полосой болот Полесья, с юга – Карпатскими горами. Именно в этой полосе и наступали все немецкие танковые и моторизованные дивизии. На этом пути им предстояло форсировать Западный Буг, а затем – следующие один за другим с почти равными промежутками в 50–60 км южные притоки Припяти (Турья, Стоход, Стырь, Горынь, Случь). Южнее Карпат, в Молдавии и в степях юга Украины, местность, казалось бы, гораздо более благоприятная для наступающих войск – там нет ни лесов, ни болот. Зато есть три судоходные реки – Прут, Днестр, Южный Буг – в их нижнем течении. Наконец, на пути немецких и румынских войск неизбежно возникал могучий Днепр, форсирование которого в его нижнем течении представляет собой операцию, уже вполне сравнимую по сложности и рискованности с высадкой морского десанта. По сути дела, только к востоку от Днепра немецкие моторизованные соединения групп армий «Центр» и «Юг» выходили на местность, позволяющую осуществлять широкий и труднопредсказуемый оперативный маневр. Да только от границы до Днепра более 450 км. Это примерно соответствует размерам всей Германии от ее западной до восточной границы.

Препятствия, созданные самой природой, дополнились и многократно усиливались препятствиями рукотворными. Вдоль западной границы Советского Союза, от Балтики до Черного моря, протянулась сплошная полоса укрепрайонов «линии Молотова»: Тельшяйский, Шауляйский, Каунас-

ский, Алитусский, Гродненский, Осовецкий, Замбровский, Брестский, Ковельский, Владимир-Волынский, Рава-Русский, Струмиловский, Перемышльский, Верхне-Прутский и Нижне-Прутский. К 22 июня 1941 г. в Западном ОВО было построено (по разным источникам) от 332 до 505 ДОТов, в Киевском ОВО – порядка 375. Вдвое большее число ДОТов находилось еще в стадии строительства. Например, в Брестском УРе было построено 128 ДОТов и еще 380 должны были быть сданы строителями к 1 июля 1941 г. В Рава-Русском УРе было построено 95 ДОТов и еще 306 находились в стадии строительства. В среднем на основных оперативных направлениях «линии Молотова» на каждом километре стояло три врытых в землю бетонных бункера, стены которых выдерживали прямое попадание снаряда тяжелой полевой гаубицы, причем один из них – полностью построенный и оборудованный.

На глубине в 200–300 км от границы располагались укрепрайоны «линии Сталина»: Кингисеппский, Псковский, Островский, Себежский, Полоцкий, Минский, Слуцкий, Мозырьский, Коростеньский, Новоград-Волынский, Шепетовский, Изяславский, Староконстантиновский, Остропольский, Летичевский, Каменец-Подольский, Могилев-Ямпольский, Рыбницкий, Тираспольский. Количество ДОТов в составе одного УРа было различным и находилось в диапазоне от 206 до 455. Плотность – от 2 до 3 ДОТов на 1 км фронта. По количеству и составу вооружения, по качеству же-

лезобетона, по оснащенности специальным оборудованием (фильтро-вентиляционные установки, проводная и радиосвязь, электрооборудование, оптические приборы) любой из этих ДОТов по меньшей мере не уступал оборонительным сооружениям пресловутой «линии Маннергейма». Вопреки легенде, тиражировавшейся многие десятилетия, ДОТы «линии Сталина» никто перед войной не взрывал и землей не засыпал. Напротив, 25 мая 1941 г. вышло очередное постановление правительства о мерах по реконструкции укрепрайонов на «старой» границе. Некоторые ДОТы «линии Сталина» целы и по сей день. Перевезти с них вооружение на «линию Молотова» никто не планировал, да это было и невозможно в принципе: ДОТы на «старой» границе были на 9/10 пулеметными, в то время как на новой границе ДОТов должно было быть в полтора раза больше (5807 против 3279), и половина из них должна была вооружаться артиллерийскими орудиями.

Подведем первые итоги. Факты, перечисленные выше, уже несут в себе достаточно информации для того, чтобы дать простые и точные ответы на вопросы, по которым десятки лет велась ожесточенная дискуссия. Например, вопрос №1. Почему Сталин проспал нападение? Почему он не внял пресловутым «предупреждениям» Черчилля и Зорге? Почему не объявил мобилизацию? Почему «не двинул войска к границе»?

А почему он не должен был спокойно спать в ночь с 21 на 22 июня? В ночь перед экзаменом не спит и лихорадочно листает учебники двоечник, который весь семестр бездельничал и не учился. Сталин не был бездельником. Многие годы он работал до поздней ночи (или раннего утра), лично решая тысячи вопросов, связанных с созданием, оснащением, вооружением, обучением крупнейшей армии мира. Эта армия была создана. Она была больше любой европейской армии. Она была вооружена таким количеством танков и самолетов, которых не было у всех противников Сталина, вместе взятых. На западе страны, по берегам могучих рек было выстроено два ряда мощнейших укреплений, на которых – товарищ Сталин доподлинно знал это из опыта финской войны – даже численно ничтожная армия может неделями сдерживать натиск наступающего противника. Но его армия не была «численно ничтожной». Даже в Первом стратегическом эшелоне она превосходила по численности ту группировку Вермахта, которую выявила (как мы теперь знаем – с некоторым преувеличением) его разведка. Так почему же Сталин должен был не спать? Метаться с потухшей трубкой по кабинету? Принимать какие-то судорожные решения, ломающие давно и тщательно проработанный Большой план? Объявлять открытую (!!!) мобилизацию, на сто лет вперед лишая себя возможности предстать перед всем миром в роли невинной жертвы вероломного нападения?

Вопрос №2. «А вот если бы Директиву № 1 отправили в

войска на день, на час, на полчаса раньше… А если бы Молотов выступил не в 12 часов дня, а в 9 часов утра… А если бы командующий Западным фронтом объявил боевую тревогу тогда же, когда и командующий Южным фронтом (т.е. на 4 часа раньше)… И вот тогда бы…»

Ничего бы не изменилось. Ни на оперативном, ни – тем более – на стратегическом уровне. Даже если бы мы ничего не знали про реальный ход боевых действий, даже если бы мы не знали о том, что самые крупные поражения 1941 г. (Киевский и Вяземский котлы) состоялись не в первый день, не в первую неделю и даже далеко не в первый месяц войны, даже если бы мы забыли о том, что разгром советских войск в Крыму и под Харьковом весной 1942 г. был ничуть не менее сокрушительным, нежели поражения и разгромы 41-го, даже ничего этого не зная, мы могли бы твердо утверждать, что ничего судьбоносного 22 июня 1941 г. не произошло. Потому что не могло произойти. Не тот масштаб. Не тот пространственный размах. Уничтожить одним первым ударом армию, имеющую в своем составе три сотни дивизий, десятки тысяч танков и самолетов, разбросанных на гигантских пространствах Советского Союза, можно было, только массированно применив ракетно-ядерное оружие. Но атомной бомбы у Гитлера не было. Баллистические ракеты «Фау-2» и реактивные бомбардировщики существовали летом 1941 г. лишь в виде чертежей. К счастью для всех нас, надолго «оттянуть» начало войны с Советским Союзом Гитлеру не

удалось. В результате из 117 дивизий армии вторжения три четверти были пехотными. С артиллерией на конной тяге. Солдаты Вермахта переходили пограничные реки пешком. По мостам, которые еще надо было навести (или захватить и удержать). Расчетный темп марша (марша, а не наступления!) пехотной дивизии – 20 км в день. Без учета времени, потребного на форсирование рек, и без учета сопротивления противника, который в боевых действиях тоже участвует. Добавим к этому максимальную дальность стрельбы основных систем немецкой полевой артиллерии (10–20 км), и мы получим величину максимально возможной глубины «зоны поражения 22 июня». По меньшей мере, 4/5 всех дивизий Красной Армии находились вне этой зоны, на расстоянии в 50–500–5000 километров от границы. О начале войны они узнали из выступления Молотова по радио (как об этом и повествуется в сотнях мемуаров). И уж тем более не могли стать жертвами «первого уничтожающего удара» те 14 миллионов резервистов, которые надели солдатские шинели после объявления всеобщей мобилизации 23 июня 1941 г.

2. Цена и результат

Закончив с обсуждением того, чего не было, обратимся теперь к истории реальных событий.

Задача, поставленная перед Вермахтом по плану «Барбаросса» *(«основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев…»),* была выполнена уже к середине июля 1941 г. Войска Прибалтийского и Западного военных округов (более 70 дивизий) были разгромлены, уничтожены или взяты в плен. То же самое произошло и с 60 дивизиями, введенными в состав Северо-Западного и Западного фронтов уже в период с 22 июня по 9 июля. Через большую часть укрепрайонов «линии Молотова» и «линии Сталина» немцы прошли, даже не обратив внимания на серые бетонные коробки ДОТов. Через другие – прорвались с боями, продолжавшимися не более двух-трех дней (речь идет именно о прорыве фронта укрепрайона, а не о сопротивлении некоторых гарнизонов, которые удерживали ДОТы Гродненского, Брестского, Осовецкого УРов до 27–30 июня 1941 г.). Противник занял Литву, Латвию, почти всю Белоруссию, форсировал Буг, Неман, Западную Двину, Березину и Днепр. 16 июля немцы заняли Смоленск. Две трети расстояния от западной границы до Москвы были пройдены менее чем за ме-

сяц. Войска Юго-Западного фронта в беспорядке отступили за линию старой советско-польской границы, в середине июля 1941 г. танковые части Вермахта заняли Житомир и Бердичев, вышли к пригородам Киева.

Практически вся техника и тяжелое вооружение войск западных округов были потеряны. К 6–9 июля войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов потеряли **11,7 тыс. танков, 19 тыс. орудий.** Потери авиации уже к концу июля достигли цифры в **10 тыс.** самолетов, т.е. превысили исходную численность группировки советских ВВС на Западном ТВД. Особенно тяжелые, практически невосполнимые потери понесли танковые войска. Главная ударная сила Красной Армии – огромные, вооруженные лучшими в мире танками Т-34 и КВ механизированные корпуса – просто растаяла, исчезла, оставив после себя груды брошенных танков, бронемашин, грузовиков и автоцистерн, запрудивших все дороги Литвы, Белоруссии и Западной Украины. Уже 15 июля 1941 г. остатки мехкорпусов были официально расформированы.

То, что советские историки скромно называли «неудачей приграничного сражения», означало на самом деле полный разгром Первого стратегического эшелона Красной Армии (по числу дивизий превосходившего любую армию Европы, а по количеству танков превосходившего их все, вместе взятые). К 7–10 июля 1941 г. немцы заняли (точнее сказать – прошли) территорию площадью в 700 тыс. кв. км, что при-

мерно в три раза больше территории Польши, оккупированной Вермахтом в сентябре 1939 г. Правда, вскоре немецкому командованию пришлось узнать, что окруженные и разгромленные армии четырех западных округов (Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского) представляли собой лишь часть *«основных сил русских сухопутных войск».* А на место разбитых дивизий из глубин огромной страны подходили все новые, новые и новые соединения. Все это бесчисленное воинство было разгромлено, окружено и пленено в новых котлах: у Смоленска и Рославля, Умани и Киева. К концу сентября 1941 г. Красная Армия только в ходе семи основных стратегических операций потеряла **15 500 танков, 66 900 орудий и минометов,** 3,8 млн единиц стрелкового оружия. Еще через месяц немцы захватили Харьков, Одессу и Крым, вышли к Москве и Тихвину.

Теперь взглянем на ситуацию первых недель войны с другой стороны. Какую цену заплатил Вермахт за свой (скажем прямо – феноменальный) успех? *«Общие потери,* — пишет начальник Штаба сухопутных войск Ф. Гальдер, – *к 6.7.41 г. составляют:раненых – 42 755 (1588); убитых – 13 869 (829); пропавших без вести – 5010 (81); итого – 61 634 (2498). Цифры в скобках показывают потери в офицерском составе, в общее число потерь они не включены».*

Если перевести данные Гальдера в более привычный для нас вид (объединив солдат и офицеров), то получаются следующие цифры потерь Вермахта:

– 19,8 тыс. убитых и пропавших без вести;

– 44,3 тыс. раненых.

Итого: **64 тыс.** солдат и офицеров.

Много ли это? Все познается в сравнении. Для начала сравним потери первых недель советско-германской войны с потерями Вермахта в Польше (сентябрь 1939 г.) и Франции (май – июнь 1940 г.).

Война в Польше: 14 тыс. убитых и пропавших без вести, 30 тыс. раненых, общие потери – **44 тыс.** человек.

Война во Франции: 45 тыс. убитых и пропавших без вести, 111 тыс. раненых, общие потери – **156 тыс.** человек.

Эти цифры взяты из известной монографии Типпельскирха. По уточненным данным, представленным в столь же хрестоматийно известной работе Мюллер-Гиллебранда, в Польше Вермахт потерял безвозвратно 17 тыс. человек, а во Франции – 49 тыс. человек.

В принципе картина ясная, но некоторые пояснения все же необходимы. Польская армия по числу дивизий уступала советским войскам западных военных округов в пять раз. Техническая оснащенность польской армии 1939 г. и Красной Армии 1941 г. просто несопоставимы. Атакованная с трех сторон (с запада, из Восточной Пруссии, из занятой немцами Чехии) польская армия практически осталась без тыла, да еще и получила сокрушительный удар «сталинского топора» в спину. *«Польское государство, правители которого всегда проявляли так много заносчивости и бахваль-*

ства, — кричал 7 ноября 1939 г. с трибуны Мавзолея нарком обороны Ворошилов, – *при первом же военном столкновении разлетелось, как старая сгнившая телега…»* И тем не менее потери Вермахта в Польше оказались немногим меньше тех, что понесли немцы при разгроме войск западных округов Советского Союза. Потери же Вермахта во Франции (как общие, так и безвозвратные) в ходе того, что отечественные историки и по сей день не стесняются называть «триумфальным маршем», были в **2,5 раза больше,** чем потери на Восточном фронте к 6 июля 1941 г. И это при том, что вся французская армия была по числу людей, дивизий, танков и самолетов меньше Первого стратегического эшелона Красной Армии, а главные события войны с Францией произошли на «пятачке» Нормандии и Фландрии, с максимальными расстояниями в 300 км по фронту и 250 км в глубину. Это примерно соответствует размерам Литвы, которую одна из трех, самая малочисленная, группа армий «Север» заняла за одну неделю июня 1941 г.

Заслуживают краткого упоминания и результаты войны в воздухе. За первые три недели войны на Западном фронте (с 10 по 31 мая 1940 г.) безвозвратные потери Люфтваффе (самолеты всех типов) составили **978** машин. За первые три недели войны на Восточном фронте (с 22 июня по 12 июля 1941 г.) безвозвратные потери Люфтваффе (самолеты всех типов) составили: по так называемым «уточненным данным» – **550** самолетов, по простому суммированию еже-

недельных сводок штаба Люфтваффе – **473** самолета, т.е. в два раза меньше, чем в небе Франции.

В целом за все время кампании на Западе (с 10 мая по 24 июня) Люфтваффе потеряли на Западном фронте **1401** самолет безвозвратно, и еще 672 было повреждено. За сопоставимый промежуток времени (с 22 июня по 2 августа 1941 г.) потери немецкой авиации на Восточном фронте составили **968** сбитых и **606** поврежденных самолетов.

Таким образом, потери Люфтваффе на Западном фронте были – в любом из рассматриваемых интервалов времени – выше, чем на Восточном. В тот период (май 1940 г.), когда французская авиация и базирующиеся во Франции английские истребители (суммарно 700–750 летчиков) еще имели возможность для организованного сопротивления, немецкие потери были **в 2 раза больше,** чем за первые три недели боевых действий на Востоке. Остается еще раз напомнить, что только в составе ВВС западных округов было 3,6 тыс. летчиков-истребителей (почти в пять раз больше, чем у союзников), и состав группировки советской авиации непрерывно увеличивался.

Все познается в сравнении. Сравним теперь потери Вермахта с его численностью. Тот же Гальдер неоднократно определяет численность группировки немецких сухопутных войск на Востоке в 3,2 млн человек. Таким образом, к 6 июля 1941 г. потери составили ровно **2% от общей численности.** Это, безусловно, не малые, а очень малые потери.

Даже тем, кто не закончил военную академию, должно быть понятно, что армия, которой пришлось сломить «упорное сопротивления противника», несет совсем другие потери. Поясним это тремя конкретными примерами.

Халхин-Гол. Численность группировки советских войск: три стрелковые дивизии, шесть танковых и мотобронеевых бригад, 57 тысяч человек личного состава. Численность японских войск отечественные историки определяют в 75 тысяч человек (т.е. 5 «расчетных дивизий»). Активные боевые действия продолжались всего семь дней (с 23 по 30 августа 1939 г.). В сравнении с войной, в которую две огромные, многомиллионные, армии вступили 22 июня 1941 г., конфликт на Халхин-Голе выглядит забытым мелким эпизодом. Тем не менее потери Красной Армии составили 40% от общей численности группировки (8 тыс. убитых и пропавших без вести, 15 тыс. раненых). Сразу же отметим и то, что потери Красной Армии на Халхин-Голе оказались всего лишь в три раза меньше потерь, понесенных Вермахтом в боях со 150 советскими дивизиями!

Операция «Багратион» (разгром немецких войск в Белоруссии летом 1944 г.). Численность группировки советских войск: 156 стрелковых, 12 кавалерийских дивизий, 2 стрелковые, 18 танковых и механизированных бригад, 2332 тыс. человек личного состава. Потери составили 33% от общей численности (179 тыс. убитых и пропавших без вести, 587 тыс. раненых и больных).

Львовско-Сандомирская операция (освобождение Западной Украины летом 1944 г.). Потери Красной Армии (65 тыс. убитых и пропавших без вести, 224 тыс. раненых и больных) составили 29% от общей численности группировки.

В целом, при освобождении Прибалтики, Белоруссии, западных областей Украины, Молдавии (в отечественной историографии это называется Прибалтийская, Белорусская, Львовско-Сандомирская и Ясско-Кишиневская стратегические наступательные операции) Красная Армия потеряла **1400 тыс.** человек (318 тыс. убитых и пропавших без вести, 1084 тыс. раненых и заболевших). Уточним, что здесь не учтены потери Красной Армии в еще двух операциях по освобождению Западной Украины: Ровно-Луцкой и Проскурово-Черновицкой, данными по которым автор не располагает. Сравнивая эти страшные цифры с потерями, которые понес Вермахт при оккупации тех же самых территорий в июне – начале июля 1941 г., мы обнаруживаем, что общие потери наступающей Красной Армии оказались **в 22 раза больше** потерь наступавшего летом 1941 г. на той же местности Вермахта.

Наконец, следует сопоставить потери Вермахта (64 тыс. убитых и раненых) с потерями Красной Армии. Войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов в период с 22 июня по 6–9 июля потеряли **749 тыс.** человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Эта цифра не включает потери Северного фронта (Ленинградский ВО) и

Южного фронта (Одесский ВО), которые начали активные боевые действия, соответственно, 29 июня и 2 июля. Но даже и без учета потерь этих фронтов соотношение потерь наступающего (причем очень успешно, по 20–30 км в день, наступающего) Вермахта и обороняющейся Красной Армии составляет 1 к 12. Это есть «чудо», не укладывающееся ни в какие каноны военной науки. По здравой логике – и по всей практике войн и вооруженных конфликтов – потери наступающего должны быть больше потерь обороняющегося. Соотношение потерь 1 к 12 возможно разве что в случае, когда белые колонизаторы, приплывшие в Африку с пушками и ружьями, наступают на «противника», вооруженного копьями и мотыгами. Но летом 1941 г. на западных границах СССР была совсем другая ситуация: обороняющаяся сторона не уступала противнику ни в численности, ни в вооружении (уже один только факт потери 19 тыс. орудий говорит о том, что пушки эти были), значительно превосходила его в средствах нанесения мощного контрудара – танках и авиации, да еще и имела возможность построить свою оборону на системе мощных естественных преград и долговременных оборонительных сооружений.

Не менее красноречивы и цифры, характеризующие соотношение потерь боевой техники. Как было уже отмечено выше, к концу сентября 1941 г. Красная Армия потеряла 15,5 тыс. танков. Потери танковых дивизий Вермахта (правда, не к концу месяца, а к 5–6 сентября) составили: 285 легких Pz-

II, 471 чешский Pz-35/38(t), 639 средних Pz-III и 256 «тяжелых» Pz-IV. Всего 1651 танк. Это общая цифра потерь, включающая в себя как безвозвратно списанные машины, так и те танки, которые находились в ремонте. Но даже при таком, не вполне корректном, сравнении соотношение потерь сторон составляет 1 к 9. Подсчет, проведенный с учетом только безвозвратных потерь, увеличивает эту пропорцию почти вдвое.

Весьма показательно и соотношение потерь танков на южном фланге советско-германского фронта. Дело в том, что на вооружении восьми мехкорпусов Юго-Западного фронта накануне войны числилось 833 новейших танка Т-34 и КВ – больше, чем было всяких разных в составе пяти танковых дивизий 1-й танковой группы Вермахта (728 танков). Длинноствольная 76-мм пушка Ф-34, установленная на советских танках Т-34 и КВ, пробивала лобовую броню самых защищенных немецких танков (Pz III серии J, Pz IV серии F) на дистанции в 1000–1200 метров. Легкие танки с противопульным бронированием (а таковых в составе 1-й ТГр было 319 единиц) снаряд пушки Ф-34 пробивал сквозь два борта. С другой стороны, ни один танк Вермахта не мог поразить Т-34 даже с 500 м. Строго говоря, в составе 1-й ТГр было 255 танков Pz-III, вооруженных 50-мм пушкой, которая могла специальным подкалиберным снарядом с сердечником из карбида вольфрама (бронепробиваемость – до 65 мм на дистанции 300 м) поразить Т-34, но из-за дефицита вольфрама

такие боеприпасы были большой редкостью. Ну а против 48-тонного монстра КВ с лобовой броней 95 мм и бортовой 75 мм любые немецкие танки были просто безоружны. Таким образом, огромный количественный перевес танковых войск Юго-Западного фронта дополнялся абсолютным качественным превосходством. Тем не менее Ю-З.ф. уже к 6 июля потерял 4381 танк. Потери же 1-й танковой группы к концу августа составляли: 183 танка потеряно безвозвратно и 198 находились в ремонте. Соотношение безвозвратных потерь 1 к 24.

1 к 24. Две эти цифры дают простой ответ на вопрос о том, «что было бы, если бы удалось оттянуть…». В советской историографии этим словом обозначают перенос даты начала советско-германской войны на более поздний срок. Каковой перенос якобы позволил бы «завершить перевооружение армии». Не говоря уже о том, что полностью и окончательно «завершить перевооружение» может только разгромленная армия, сама идея «оттягивания» абсурдна в принципе. Да, конечно, 15 минут дополнительного времени футбольного матча могут гарантированно привести к победе. Но при одном условии: если вся команда противника сядет на скамеечку и позволит вам забивать голы в пустые ворота. А если нет? А если противник тоже постарается использовать каждую из этих 15 минут для укрепления своей обороны и штурма ваших ворот? В начале 40-х гг. Германия стремительно догоняла Советский Союз по качеству и техническому со-

вершенству своей боевой техники. К концу войны – несомненно, обогнала. Обогнала в условиях экономической блокады и среди развалин городов, дотла разрушенных ударами англо-американской авиации. А что было бы на вооружении Вермахта и Люфтваффе, если бы Гитлер и вправду смог оттянуть начало войны против СССР? Возвращаясь от сослагательного наклонения к реальной истории, мы видим, что перевооружение танковых дивизий Киевского округа новейшими танками ничего не изменило ни в ходе боевых действий, ни в динамике потерь техники.

Два поколения советских (а теперь уже и российских) историков вели непримиримую борьбу с советскими танками 1941 г. Их просто смешали с грязью (не на поле боя, разумеется, а на бумаге). Было «доподлинно установлено», что все танки были поломанные, безнадежно устаревшие, изношенные, с ничтожным остатком в 100–150 часов моторесурса. Шестеренки были слишком хрупкими, пальцы гусеничных траков – слишком мягкими, фильтры не фильтровали, перископы не перископили… Короче говоря, на них не то что воевать – проехать 50 км из пункта А в пункт Б было невозможно. Просто диву даешься – как эти безнадежные «тридцатьчетверки» простояли на вооружении многих армий мира до середины 60-х гг. К счастью, борьба эта была бескровной. К несчастью, она имела вполне конкретные, ощутимые экономические последствия. Два поколения советских генералов было воспитано и обучено в военных академиях на мифе о

том, что катастрофа 41-го г. случилась из-за технической отсталости Красной Армии.

Советские генералы не хотели повторения катастрофы и полвека давили на партийную верхушку, требуя окончательно и бесповоротно «перевооружить» Советскую Армию так, чтобы и друзья боялись. В результате Советский Союз рухнул и исчез с политической карты, имея на вооружении – кроме всего прочего – 30 тысяч лучших в мире танков…

Подробный анализ тактико-технических характеристик советских танков, самолетов, орудий и артиллерийских тягачей, серьезное и беспристрастное сравнение их с техникой противника далеко выходят за рамки этой статьи. Не будем даже пытаться «объять необъятное». Возьмемся лучше за винтовку.

На стр. 367 многократно упомянутого нами статистического сборника «Гриф секретности снят» написано, что в 1941 г. Красная Армия потеряла **6 290 000 единиц стрелкового оружия.** Самое распространенное «стрелковое оружие» 1941 г. – трехлинейная винтовка Мосина. Оружие это было и осталось непревзойденным образцом надежности и долговечности. «Трехлинейку» можно было утопить в болоте, зарыть в песок, уронить в соленую морскую воду – а она все стреляла и стреляла. Вес этого подлинного шедевра инженерной мысли – 3,5 кг без патронов. Это означает, что любой молодой и здоровый мужчина (а именно из таких и состояла летом 1941 г. Красная Армия) мог без особого напря-

жения вынести с поля боя 3–4 винтовки. А уж самая захудалая колхозная кобыла, запряженная в простую крестьянскую телегу, могла вывезти в тыл сотню «трехлинеек», оставшихся от убитых и раненых бойцов. И еще. Винтовки «просто так» не раздают. Каждая имеет свой индивидуальный номер, каждая выдается персонально и под роспись. Каждому, даже самому «молодому» первогодку, объяснили, что за потерю личного оружия он пойдет под трибунал. Как же могли пропасть шесть миллионов винтовок и пулеметов?

Не будем упрощать. На войне как на войне. Не всегда удается собрать на поле боя все винтовки до последней. Не каждый грузовик и не каждый вагон с оружием в боевой обстановке доходит до места назначения. Наконец, какое-то количество винтовок и автоматов на самом деле могло быть испорчено огнем, взрывом, заполярным холодом. Можно ли ориентировочно оценить размер таких «нормальных» потерь стрелкового оружия? Разумеется, можно. Поработав несколько минут с калькулятором и все тем же сборником «Гриф секретности снят», мы выясняем, что в 44–45-м гг. один миллион солдат «терял» в месяц 36 тысяч единиц стрелкового оружия. Следовательно, за шесть месяцев 1941 г. «нормальные» потери не должны были бы превысить 650–700 тысяч единиц. Фактически потеряно – 6,3 млн. Налицо «сверхнормативная» утрата более **5,6 млн** единиц стрелкового оружия.

Столь же «ненормальными» оказались и потери других

видов вооружения. Так, за шесть месяцев 1941 г. было потеряно 24 400 орудий полевой артиллерии (в эту цифру не вошли противотанковые пушки и минометы), что составило 56% от общего ресурса. А за 12 месяцев 1943 г. потеряно 5700 орудий (9,7% ресурса). Таким образом, «среднемесячные» потери 1941 г. оказались в **8,5 раза больше,** чем в году 43-м. Еще более показательными являются пропорции потерь орудий противотанковой обороны. По состоянию на 22 июня 1941 г. в Красной Армии числилось 14 900 противотанковых пушек (на самом деле еще больше, так как составители сборника «Гриф секретности снят» почему-то не учли 76-мм и 88-мм пушки, стоявшие на вооружении ПТАБов). В дополнение к этому колоссальному количеству **(по 5 пушек против одного немецкого танка)** за шесть месяцев 1941 г. советская промышленность передала в войска еще 2500 противотанковых пушек. Итого – общий ресурс в 17 400 единиц, из которого 70% (12 100 пушек) было потеряно. А за весь 1943 г. – за все его 12 месяцев – потеряно 5500 противотанковых пушек, что составило всего лишь 14,6% от общего ресурса 43-го г. В качестве примера для сравнения 1943 год выбран не случайно. Это год грандиозных танковых сражений на Курской дуге, это тот год, когда немцы начали массовое производство тяжелых танков «Тигр» и «Пантера», против которых наши «сорокапятки» (а именно они все еще составляли 95% от общего ресурса 1943 г.) были совершенно беспомощны. И тем не менее в 1943 г. Красная Армия

теряла по 460 пушек в месяц, а в 1941 г. – в то время, когда два из трех немецких танков на Восточном фронте были легкими машинами с противопульным бронированием, – по 2000 в месяц. **В 4,5 раза больше.** Но и это – абсолютно неверный подсчет. Не было никакой «равномерной» потери по две тысячи пушек каждый месяц. Была массовая потеря большей части всего противотанкового вооружения в первые недели войны – и бутылки с горючей смесью КС, которые были официально приняты на вооружение Красной Армии и запущены в серийное производство уже через месяц после начала боевых действий.

Приведенные цифры настолько невероятны, что сразу же возникает резонный вопрос: «А верны ли они?»

В том, что касается учета потерь личного состава, на этот вопрос можно ответить твердым «нет». Потери личного состава Красной Армии, приведенные в статсборнике Г.Ф. Кривошеева, явно занижены. Проиллюстрируем это следующим конкретным примером. На стр. 162 указанного сборника сообщается, что войска Северо-Западного фронта (численность которых к началу боевых действий определена составителями в 440 тыс. человек) до 9 июля потеряли 87 208 человек убитыми, раненными и пропавшими без вести. 20% от первоначальной численности. Может ли эта цифра соответствовать действительности? Конечно, нет. Все имеющиеся в нашем распоряжении документы, мему-

ары, исследования с абсолютным единодушием свидетельствуют – фронт был разгромлен. Разгромлен наголову. Приведем лишь несколько отрывков из донесений, которые командование С-З.ф. посылало в Москву:

28 июня *«…8-я армия, понесшая 40% и более потерь, отходит на северный берег Западная Двина.*

2-я танковая дивизия, видимо, погибла. Положение 5-й танковой дивизии и 84-й моторизованной дивизии не знаю.

11-я армия как соединение не существует.

Положения 5, 33, 188, 128, 23 и 126-й стрелковых дивизий не знаю…»

29 июня *«…у Двинск наши силы: две воздушно-десантные бригады, из коих одна фактически не существует из-за понесенных потерь, два сводных полка, сформированных из отставших, остатки 2-й танковой дивизии без единого танка и 46-я моторизованная дивизия 21-го механизированного корпуса – всего 1000 человек…»*

2 июля *«…5-я танковая дивизия 24.6. в районе Вильнюс была окружена противником и рассеялась. Оставшиеся бойцы и командиры только 26.06.41 г. стали появляться в районе Полоцк и 30.06.41 г. в районе Псков. Мат. часть боевых машин полностью уничтожена или оставлена на территории противника…*

2-я танковая дивизия… попала в окружение, и больше сведений о ней не было. Сейчас, так же как и в 5-й танковой дивизии, остатки собираются в районе Псков и Полоцк.

84-я моторизованная дивизия… подверглась сильной бомбардировке авиацией противника и впоследствии окружена и дралась в окружении до 25.6. Сведений о ней нет, встречаются в различных пунктах отдельные красноармейцы…»

***3 июля** «…состояние частей 8-й армии характеризуется следующими данными:*

10-я стрелковая дивизия: 98-й стрелковый полк почти полностью уничтожен; от 204-го стрелкового полка осталось 30 человек без материальной части; 30-й артиллерийский полк имеет одно орудие; 140-й гаубичный артиллерийский полк из 36 орудий потерял 21…

Части и управление 90-й стрелковой дивизии до сих пор найти не удалось. Отдельные бойцы дивизии присоединены к частям 10-й стрелковой дивизии.

Данные о состоянии остальных частей армии не поступили…

…Состав соединений 12-го механизированного корпуса на 3.7.41 г.:

23-я танковая дивизия – 10 танков, 150 человек пехоты, снарядов не имеет;

28-я танковая дивизия – 22 танка, мотострелковый полк почти в полном составе;

202-я моторизованная дивизия – около 600 человек…»

Как же можно совместить такие рапорты с утверждением о потере «всего лишь» (простите за цинизм) 20% от исходной численности личного состава? Впрочем, в упомянутом

статистическом сборнике есть еще стр. 368. На ней мы читаем, что в тот же самый период, с 22 июня по 9 июля, С-З.ф. потерял 341 тыс. единиц стрелкового оружия. Вот это уже позволяет оценить с некоторой долей достоверности реальные потери…

Постоянный недоучет числа потерь (главным образом «пропавших без вести») привел к тому, что в итоговой таблице № 69 на стр. 146 общее число пропавших без вести в 1941 г. определено в 2 335 482 человека. И это при том, что общепризнанная, основанная на давно рассекреченных и всесторонне изученных документах Вермахта оценка числа советских пленных 1941 г. составляет 3,8 млн человек. Не претендуя на абсолютную точность, попытаемся оценить общие потери Красной Армии в 1941 г. Решать эту задачу будем, забыв на минуту о том, что речь идет о миллионах загубленных людей. Просто как задачу про бассейн, в который по одной трубе вливается, из другой – выливается. Известно (все тот же статистический сборник Кривошеева, стр. 152), что среднемесячная численность действующей армии к концу 1941 г. не только не увеличилась, но даже несколько снизилась (2 818 500 против 3 334 400). Единственно возможное объяснение такой динамики: потери превысили численность пополнения (из бассейна вылилось больше, чем влилось).

Какие же людские ресурсы получила во второй половине 1941 г. Красная Армия? Всего было мобилизовано 14 млн человек. Разумеется, далеко не все они попали в действую-

щую армию. Действующая армия – это только одна из составляющих вооруженных сил. Есть еще тыловые и учебные части, испытательные полигоны, есть склады и базы, госпитали, тыловые аэродромы. Например, в Германии при общей численности вооруженных сил рейха в 7,25 млн чел. в частях и соединениях действующей армии (на всех фронтах) в июне 1941 г. было 3,8 млн (52%). В СССР на протяжении трех последних лет войны доля личного состава действующей армии составляла 57–58% от общего числа военнослужащих. Можно обоснованно предположить, что такие же цифры применимы и к распределению людских ресурсов в 1941 г. В таком случае из общего числа 14 млн человек, призванных по мобилизации, в состав действующей армии должно было поступить не менее 8 млн человек. И это – минимальная оценка. Не будем забывать о том, что в состав действующих фронтов летом 1941 г. вошли еще и армии Второго стратегического эшелона, затем – войска ранее считавшихся тыловыми внутренних округов, а в конце года – части Дальневосточного фронта.

Такая простая арифметика приводит нас к тому, что Красная Армия потеряла в 1941 г. **как минимум 8,5 млн человек** (3 334 400 + 8 000 000 – 2 818 500 = 8,5 млн). А теперь – самое главное: из каких же составляющих сложилась эта кошмарная цифра?

Наиболее достоверными (по мнению автора) являются данные по количеству раненых, поступивших на излечение

в госпитали. В глубоком тылу и порядка было больше, и учет был по меньшей мере двойной (и при поступлении, и при выписке). Так вот, все санитарные потери действующей армии (раненые и заболевшие) авторы сборника «Гриф секретности снят» определили в 1314 тыс. человек. Исходя из постоянного для всех войн XX века соотношения раненых и убитых как 3 к 1, можно предположить, что 450 тыс. человек погибло на поле боя.

Фактически – точнее говоря, по сводкам штабов частей и соединений действующей армии – число убитых и умерших от ран в госпиталях составило 567 тыс. человек. Даже если предположить самое худшее – ни один раненый до конца 1941 г. так и не вернулся в строй – и прибавить к числу убитых и умерших все санитарные потери (1314 тысяч), то получается, что учтенные боевые потери 1941 г. (т.е. убитые и раненые) составляют не более 2,0 млн человек. **Еще 6,4 млн бойцов и командиров «пропали без вести».**

6,4 миллиона. Столько, сколько было в действующей армии 22 июня 1941 г., и еще раз столько.

Разумеется, термин «пропавшие без вести» является эвфемизмом, призванным заменить другие, гораздо менее благозвучные термины. «Типовая схема» разгрома и исчезновения воинской части Красной Армии известна. Известна из великого множества документов, воспоминаний, книг:

Пункт первый. Раздается истошный крик: «Окружили!» Летом 1941 г. это незатейливое слово творило чудеса.

«Одно-единственное, редкое, почти неупотребляемое в мирной жизни, роковое слово правило несметными табунами людей, бегущих, бредущих, ползущих куда-то безо всяких приказов и правил…» (В. Астафьев)

Пункт второй. Потеря командира. Причины могли быть самые разные: погиб, ранен, уехал выяснить обстановку в вышестоящий штаб, застрелился, просто сбежал.

Пункт третий. Кто-то из «бывалых», взявший на себя командование обезглавленной воинской частью, принимает решение: прорываться на восток «мелкими группами». Все. Это – конец. Через несколько дней (или часов) бывший батальон (полк, дивизия) рассыпается в пыль и прах.

Пункт четвертый. Огромное количество одиноких «странников», побродив без толка, без смысла и без еды по полям и лесам, выходит в деревни, к людям. А в деревне – немцы. Те самые немцы, которых и должна была остановить рассыпавшаяся по лесам и полям дивизия. Дальше вариантов уже совсем мало: сердобольная вдовушка, лагерь для военнопленных, служба в «полицаях». Вот и все.

Каким словом вправе мы назвать этих людей? Дезертиры, изменники Родины, сдавшиеся в плен, захваченные в плен? Отнюдь не претендуя на то, чтобы подменять компетентные органы и давать персональные оценки, постараемся хотя бы ориентировочно оценить масштаб катастрофы (сама природа такого явления, как массовое дезертирство, исключает возможность точного, поименного учета).

Полученная нами чисто расчетным путем цифра в 6,4 млн «пропавших без вести» (т.е. пленных, дезертиров, не учтенных в донесениях штабов убитых и раненых) с приемлемой точностью коррелируется с другими, вполне достоверными сведениями. Например, с указанной выше цифрой потерь стрелкового оружия (6,3 млн единиц).

Далее. Немецкое военное командование зафиксировало пленение в 1941 г. **3,8 млн** бывших военнослужащих Красной Армии. Эта цифра, как справедливо уточняют советские историки, может быть несколько завышена за счет того, что в число пленных немцы включали и военных строителей (а в ряде случаев – и просто мужчин из числа гражданского населения, мобилизованного на рытье окопов и противотанковых рвов). Это верно, как верно и то, что речь идет всего лишь о единицах процентов от общего числа пленных. Никакой нужды в «вылавливании» гражданских строителей и зачислении их в число военнопленных Красной Армии у немцев не было. Более того, уже к концу июля 1941 г. поток военнопленных превысил возможности Вермахта по их охране и содержанию. Дело дошло до того, что 25 июля 1941 г. был издан приказ генерал-квартирмейстера № 11/4590, в соответствии с которым началось массовое освобождение пленных ряда национальностей (украинцев, белорусов, прибалтов). За время действия этого приказа, т.е. до 13 ноября 1941 г., было распущено по домам 318 770 бывших красноармейцев (главным образом украинцев – 277 761 человек).

По данным, приведенным все в том же сборнике «Гриф секретности снят» (т.е. по меньшей мере не завышенным в целях «злобного шельмования Красной Армии»), советское военное командование и органы НКВД обнаружили и осудили за дезертирство **376 тыс.** бывших военнослужащих. Еще **940 тыс.** человек было «призвано вторично». Этим странным термином обозначены те бойцы и командиры Красной Армии которые по разным причинам «отстали» от своей воинской части и остались на оккупированной немцами территории. По мере наступления Красной Армии, в 43–44-м гг. они были повторно поставлены под ружье. При этом не следует забывать и о том, что исходное число «отставших» было значительно больше: кто-то погиб от нищеты, голода, обстрелов, расстрелов и бомбежек, кто-то пошел в партизаны и погиб в бою, кто-то записался в «полицаи» и ушел вместе с отступающими частями Вермахта.

Вероятно, мы не сильно ошибемся, оценивая общее число дезертиров (если только этот термин вообще применим к ситуации массового развала армии) в **1,3–1,5 млн** человек. И эта цифра скорее занижена, чем завышена. На стр. 140 суммарное число всех категорий выбывшего личного состава Красной Армии – убитые, умершие, пропавшие без вести, пленные, осужденные и отправленные в ГУЛАГ (а не в штрафбат, который является частью армии), демобилизованные по ранению и болезни и «прочие» – не сходится с указанным на стр. 139 общим числом «убывших по различ-

ным причинам из Вооруженных Сил» на **2248 тыс.** человек. Сами составители сборника прямо объясняют такую нестыковку «значительным числом неразысканных дезертиров».

Арифметическая разница (6,4–3,8–1,5=1,1) может быть отражением неточности нашей оценки общего числа «пропавших без вести». Хорошо, если бы это было так. К несчастью, есть все основания предположить, что этот «ненайденный миллион» состоит из раненых, брошенных при паническом бегстве и не учтенных в донесениях с фронта убитых. По крайней мере, многие советские историки в своих сочинениях без тени смущения сообщали читателям о том, что «раненые, которых не удалось эвакуировать, были переданы на попечение местного населения». Стоит ли обсуждать вопрос о том, каким образом «местное население», в доме у которого не было ни медикаментов, ни даже лишнего стакана молока, могло взять на свое «попечение» тяжелораненых солдат? 17 ноября 1941 г. начальник Политуправления Западного фронта дивизионный комиссар Лестев в докладе «О политико-моральном состоянии войск» писал: *«Тяжелораненые или раненные в ноги, которые не могли идти и даже ползти, в лучшем случае оставались в деревнях или просто бросались на поле боя, в лесах и погибали медленной смертью от голода и потери крови. Все это происходило на глазах у людей и являлось одной из причин того, что многие красноармейцы и командиры стремились уклониться от боя, ибо в ранении видели неизбежность гибели». По сведениям, при-*

веденным Г.Ф. Кривошеевым, 200 (двести) армейских госпиталей пропали без вести, 17 – вышли из окружения «с большими потерями».

То, что летом 1941 г. именно массовое дезертирство и массовая сдача в плен были главной составляющей потерь Красной Армии, отчетливо видно и по тем (как уже было показано – значительно заниженным) данным, которые приводят составители сборника «Гриф секретности снят». Например, за 32 дня своего существования в июле – августе 1941 г. Центральный фронт безвозвратно потерял 111 тыс. бойцов и командиров. В том числе 9199 (8%) убитых, 45 824 пропавших без вести и пленных и еще 55 985 человек проходят по странной графе «небоевые безвозвратные потери». Центральный фронт воевал очень недолго. Западный фронт, непрерывно меняя своих командующих и поглощая все новые и новые десятки дивизий, дожил до конца 1941 г. Его безвозвратные потери составили 956 тыс. человек, из которых 849 тыс. (89%) пропали без вести, попали в плен и в «небоевые потери». Такая же неприглядная ситуация сложилась и на южном фланге войны. Войска Юго-Западного и Южного фронтов безвозвратно потеряли в 1941 г. 956 тыс. человек (это не опечатка, а случайное совпадение с числом потерь З.ф.). Из них 864 тыс. (90%) пропали без вести, сдались в плен, дезертировали.

3. Простые ответы

Первым абсолютно точно понял смысл происходящего сам Сталин. Возможно, именно потому так быстро и так правильно понял, что его «университетами» была подпольная работа в подрывной организации, которая однажды развалила русскую армию прямо во время мировой войны. Сталин конкретно знал, как рушатся империи и исчезают многомиллионные армии. Поэтому всего семь дней потребовалось ему для того, чтобы понять, в чем главная причина неслыханного разгрома. Открывшаяся истина оказалась непомерно тяжелой и ошеломляюще неожиданной даже для этого человека с каменным сердцем и стальными нервами. В ночь с 28 на 29 июня Сталин бросил все и всех, уехал на «ближнюю дачу», где и провел в полной прострации два дня – 29 и 30 июня, не отвечая на телефонные звонки и ни с кем не встречаясь.

Нам не надо проводить спиритические сеансы и вызывать духов умерших для того, чтобы узнать, о чем думал и к каким выводам пришел Сталин. Свои решения он выражал в виде приказов, которые поступали в войска или от него лично, или от имени Ставки, наркома обороны, Генерального штаба, командующих фронтами и стратегическими направлениями. Процитируем лишь некоторые из них:

Постановление ГКО № 00381 от 16 июля 1941 г. (подписано лично Сталиным):

«…отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушая Присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником…»

Приказ Главнокомандующего войсками Северо-Западного направления № 3 от 14 июля 1941 г.:

«…войска Северо-Западного фронта, не всегда давая должный отпор противнику, часто оставляют свои позиции, даже не вступая в решительное сражение. Отдельные паникеры и трусы не только самовольно покидают боевой фронт, но и сеют панику среди честных и стойких бойцов. Командиры и политработники в ряде случаев не только не пресекают панику, не организуют и не ведут свои части в бой, но своим позорным поведением иногда еще больше усиливают дезорганизацию и панику на линии фронта…»

Приказ командующего Северо-Западным фронтом № 044 от 26 июля 1941 г.:

«…Приказываю

1. Командирам и военным комиссарам соединений и частей обязать всех командиров и политработников, под их личную ответственность, в трехдневный срок нашить на шинели и гимнастерки петлицы, нарукавные знаки и знаки различия.

2. *Впредь всех лиц начсостава, допускающих нарушения формы одежды, снявших знаки различия, рассматривать*

как трусов и паникеров, бесчестящих высокое звание командира Красной Армии, и привлекать их к суровой ответственности, вплоть до предания суду военных трибуналов».

Приказ Ставки № 270 от 16 августа 1941 г.:

«…командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту… расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава… Если начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться ему в плен – уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи…»

Директива Ставки № 001919 от 12 сентября 1941 г.:

«Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: «нас окружили» и увлекают за собой остальных бойцов. В результате дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть и потом одиночками начинает выходить из леса. Подобные явления ***имеют место на всех фронтах»*** (выделено мной. – *М.С.*).

Директива Ставки ВГК № 002202 от 21 сентября 1941 г. (приведен полный текст без сокращений):

«Ставка Верховного Главнокомандования предлагает срочно донести:

1. Оставлен нашими частями Киев или нет?

2. Если Киев оставлен, то взорваны мосты или нет?

3. Если взорваны мосты, то кто ручается, что действительно мосты взорваны?»

Если вопрос о моральном состоянии армии, в которой издавались приказы такого содержания, еще нуждается в каких-то комментариях, то в качестве таковых остается привести следующие три цифры:

163 командира дивизии (бригады);

221 начальник штаба дивизии (бригады);

1114 командиров полков.

Это перечень командиров сухопутных войск (без учета авиационных командиров, не вернувшихся с боевого вылета), пропавших без вести за все годы войны. Принимая во внимание, что по штату одной стрелковой дивизии требовался один командир, один начальник штаба и пять командиров полков (три стрелковых, два артиллерийских), мы приходим к выводу, что без вести пропал офицерский корпус, по численности более чем достаточный для полного укомплектования старшего начсостава всех дивизий пяти западных военных округов СССР. Стоит отметить и то, что даже к началу 90-х гг. не были известны места захоронений 44 генералов Красной Армии (не считая тех, кто был расстрелян или умер в тюрьмах и лагерях, не считая погибших во

вражеском плену). Сорок четыре генерала – среди них два десятка командиров корпусного и армейского звена – разделили судьбу миллионов рядовых солдат, бесследно сгинувших в пучине войны. А ведь между генералом и солдатом есть большая разница. Солдат часто воюет в одиночку и порою гибнет без свидетелей. Но как же мог пропасть без вести генерал, командир дивизии или корпуса? Командир в одиночестве не воюет. Командование и штаб дивизии имели численность (по штату апреля 1941 г.) в 75 человек. Это не считая личный состав политотдела, трибунала и комендантского взвода. В штабных структурах корпуса и армии людей еще больше. До каких же пределов должны были дойти хаос, паника, дезертирство, чтобы командир корпуса или дивизии «пропал» в чистом поле, без приметы и следа? Да и не все «пропавшие без вести» генералы пропали бесследно. За добровольную сдачу в плен и сотрудничество с оккупантами после войны было расстреляно или повешено 23 бывших генерала Красной Армии (это не считая гораздо большего числа тех, кто получил за предательство полновесный лагерный срок). Среди изменников были и командиры самого высокого ранга:

– начальник оперативного отдела штаба Северо-Западного фронта Трухин,

– командующий 2-й Ударной армией Власов,

– начальник штаба 19-й армии Малышкин,

– член Военного совета 32-й армии Жиленков,

– командир 4-го стрелкового корпуса (Западный фронт) Егоров,

– командир 21-го стрелкового корпуса (Западный фронт) Закутный.

Да, десять человек из числа казненных генералов были в конце 50-х посмертно реабилитированы. Но при этом не следует забывать, что реабилитации 50-х гг. проводились по тем же самым правилам, что и репрессии 30-х. Списком, безо всякого объективного разбирательства, по прямому указанию «директивных органов»…

Казненные генералы известны поименно. О рядовых, как всегда, известны только суммарные числа. Так, за неполные четыре месяца войны (с 22 июня по 10 октября 1941 г.) по приговорам военных трибуналов и Особых отделов НКВД был расстрелян 10 201 военнослужащий Красной Армии. Всего же за годы войны только военными трибуналами (без учета деятельности НКВД) было осуждено свыше **994 тысяч** советских военнослужащих, из них **157 593 человека расстреляно.** Впрочем, обсуждение масштабов репрессий превращается в демагогию, если оно происходит в отрыве от обсуждения главного: совершенно беспримерного поведения огромной массы бойцов и командиров Красной Армии, с чем советское военно-политическое руководство и пыталось бороться единственно известным и доступным ему способом, т.е. жесточайшим террором.

Уже через несколько месяцев после начала войны, осенью

1941 г., немецкое командование смогло приступить к планомерному формированию «национальных» частей Вермахта, укомплектованных бывшими советскими гражданами (если только слово «гражданин» вообще применимо к подданным сталинской империи). Так, было создано в общей сложности порядка 90 так называемых «восточных» батальонов: 26 «туркестанских», 13 «азербайджанских», 9 «крымско-татарских», 7 «волго-уральских» и т.д. В следующем, 1942 г., после прорыва немецких войск на Дон и Кубань, началось создание «добровольческих» казачьих формирований. Так, в мае 1942 г. в 17-й полевой армии Вермахта был издан приказ о создании при каждом армейском корпусе по одной казачьей сотне и еще двух сотен – при штабе армии. Своя казачья сотня появилась в сентябре 1942 г. даже в составе 8-й итальянской армии. К весне 1943 г. в составе Вермахта воевало более 20 казачьих полков общей численностью порядка 30 тысяч человек. Самой же распространенной и массовой формой сотрудничества бывших военнослужащих Красной Армии с оккупантами стало зачисление их в регулярные части Вермахта в качестве так называемых «добровольных помощников» (Hilfswillige, или сокращенно «хиви»).

Первоначально «хиви» служили водителями, кладовщиками, санитарами, саперами, грузчиками, высвобождая таким образом «полноценных арийцев» для непосредственного участия в боевых действиях. Затем, по мере роста потерь Вермахта, русских «добровольцев» начали вооружать.

В апреле 1942 г. в германской армии числилось 200 тысяч «хиви». Так, в окруженной у Сталинграда 6-й армии Паулюса в ноябре 1942 г. было 51 800 «хиви», а в 71, 76 и 297-й пехотных дивизиях этой армии «русские» (как называли всех бывших советских) составляли до 40% личного состава. Летом 1942 г. в 11-й армии Манштейна числилось 47 тысяч «добровольцев». В конце концов масштабы этого беспримерного в истории России массового сотрудничества с оккупантами стали столь велики, что верховным командованием Вермахта был создан специальный пост «генерал-инспектора восточных войск». В феврале 1943 г. под началом генерала Кестринга в рядах Вермахта, СС и ПВО служило порядка **750 тыс. человек.** С октября 1943 г. «хиви» были включены в стандартный штат немецкой пехотной дивизии в количестве 2000 человек на дивизию, что составляло 15% от общей численности личного состава. Такие цифры называют зарубежные историки. С ними вполне согласны и военные историки российского Генштаба, составители сборника «Гриф секретности снят». На стр. 385 читаем: *«Численность личного состава военных формирований так называемых «добровольных помощников» Германии, включая полицейские и вспомогательные, к середине июля 1944 г. превышала **800 тыс. человек.** Только в войсках СС в период войны служило более 150 тыс. бывших граждан СССР».* На стр. 334 сообщается, что в 1942–1944 гг. из числа находившихся в немецких лагерях военнопленных в связи со вступлением

в «добровольческие формирования» было освобождено порядка 500 тыс. человек. А ведь пленные были важным, но отнюдь не единственным источником людских ресурсов. К услугам немцев были и сотни тысяч дезертиров, и миллионы военнообязанных, уклонившихся от мобилизации в начале войны…

С тех страшных дней прошло уже более 60 лет. И все эти годы официальная советская военно-историческая наука, игнорируя очевидный и бесспорный факт полномасштабного развала Красной Армии, факт беспримерного массового дезертирства, массовой сдачи в плен и перехода на сторону врага, успешно искала и находила все новые и новые «причины поражения Красной Армии в начальном периоде Великой Отечественной войны». Сама по себе история этих попыток, выработанные за эти годы шулерские приемы могут стать предметом отдельного исследования. Новый импульс подобные исследования получили в начале 90-х гг., после того как рассекречивание огромного массива документальной информации сделало (правильнее сказать – должно было бы сделать) невозможным дальнейшие спекуляции на тему о «многократном численном превосходстве противника» и «безнадежно устаревших советских танках». Новое время – новые песни. Да и читатель нынче новый, молодой и гораздо более требовательный. Посему нынешние продолжатели «славных традиций» советской историографии про-

стых ответов не ищут, а свои 700-страничные труды пишут очень научным, чистоконкретным, языком:

«Первая боевая группа 14-й танковой дивизии (кампфгруппа Штемпеля) состояла из 108-го моторизованного пехотного полка (без 2-го батальона), штаба 4-го артиллерийского полка 14-й танковой дивизии с 3-м дивизионом 4-го артполка (без 1-й батареи), 1-й батареи 4-го артиллерийского полка, 1-й батареи 607-го мортирного дивизиона (приданная корпусная часть, 210-мм мортиры), 1-й батареи 60-го артиллерийского полка (приданная корпусная часть, 100-мм пушки), 1-й роты 4-го противотанкового батальона 14-й танковой дивизии, 36-го танкового полка (без 1-й усиленной роты) со 2-й ротой 13-го моторизованного саперного батальона, частей моторизованного батальона связи, 2-го взвода 4-й саперной роты. Вторую боевую группу (кампфгруппу Фалькенштейна) составляли 103-й моторизованный пехотный полк, 1-я усиленная рота 36-го танкового полка, 2-й дивизион 4-го артиллерийского полка, 4-й противотанковый дивизион без одной роты и двух взводов, 1-й взвод 4-й саперной роты. Третья боевая группа (кампфгруппа Дамерау) состояла из…»

Вы таки будете смеяться, но молодой автор этого маленького шедевра претенциозного пустозвонства удостоился даже публичной похвалы из уст самого Махмуда Ахметовича! Товарищ М.А.Гареев, генерал армии, президент Академии военных наук, академик РАН и прочая, прочая, прочая,

недавно изрек: *«Если будут такие люди, как Алексей Исаев, наше дело небезнадежно!»* Совершенно точное определение. Махмуд Ахметович и его подчиненные в больших погонах и при высоких званиях десятки лет ели народный хлеб, но ничего, имеющего хотя бы признаки научности и правдоподобия, придумать так и не удосужились. Современный продолжатель их дела делает свое дело гораздо качественнее. Тоньше. Тов. Исаев не «подставляет» себя прямым утверждением о «численном превосходстве» противника. Но бесконечно длинный (из жалости к читателю мы процитировали только половину) перечень взводов, рот и батарей 14-й танковой дивизии на подсознательном уровне формирует у читателя, загипнотизированного всем этим мельканием номеров, мортир и пушек, представление об «огромной черной туче», надвигавшейся на позиции советских войск. Фактически на своем пути от приграничного Владимира-Волынского до Луцка немецкая 14-я танковая дивизия встретила (опять же правильнее будет сказать – должна была бы встретить) четыре дивизии Красной Армии (19-я тд, 135-я сд, 215-я мд, 131-я мд) и 1-ю противотанковую бригаду. Это не считая находившихся непосредственно у границы 87-й сд и 41-й тд, а также трех узлов обороны Владимир-Волынского УРа (о которых А.Исаев коротко обронил: *«40 редко расположенных ДОТов»).* «Редко расположенных» – это 40 ДОТов на 20 км фронта. 26 июня к занятому немцами Луцку подошли еще две стрелковые дивизии Красной Армии (200-я сд и 193-я

сд). Чудес не бывает, и если полный перечень всех подразделений немецкой дивизии занимает 2 страницы текста, то такой же перечень применительно к 9 советским дивизиям должен был бы занять 18 страниц. Но вот его А.Исаев почему-то не приводит.

Интереснее другое. Случайно или осознанно, но А. Исаев своим длинным пассажем («первая кампфгруппа состояла из…, вторая кампфгруппа состояла из…, третья кампфгруппа состояла…») практически точно воспроизвел хрестоматийно известный каждому образованному человеку фрагмент из романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Да-да, тот самый, где австрийский генерал перед Аустерлицким сражением долго и нудно зачитывает свою замечательную диспозицию: *«Die erste Kolonne marschiert… Die zweite Kolonne marschiert…»* На протяжении всего романа Лев Николаевич противопоставляет этот тупой механистический подход полководческому гению Кутузова, который *«долголетним военным опытом знал, что решают участь сражения не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этой силой и руководил ею, насколько это было в его власти».* Не отвлекаясь на дискуссию о том, насколько реальный исторический персонаж соответствовал тому образу Кутузова, который создал Л.Н. Толстой, отметим главное – почти мистический дар предвидения, проявленный великим писате-

лем. В романе, посвященном событиям Отечественной войны 1812 г., с абсолютной точностью названы и главная причина поражения 1941 г., и главный источник победы советского народа в Великой Отечественной войне. Увы, нынешняя молодежь (к которой я уже не могу себя причислять) «Войну и мир» не читает, а «проходит». Зато много и долго играет в компьютерные «стрелялки».

Поверьте, я ничуть не шучу и не ерничаю. Игра в «стрелялки» роковым образом препятствует понимаю простой причины военной катастрофы 41-го г. И вот почему: забавный человечек на экране монитора всегда абсолютно послушен вам. Легким движением компьютерной «мышки» вы можете направить его в переулок, который кишит злобными монстрами, – и он пойдет. Без вопросов. Монстры сожрут его, другого, десятого – следующий пойдет по «трупам», беспрекословно выполняя ваши команды. Компьютерные игры совершенно не предполагают возможность того, что человечек вдруг вылезет из летающе-ныряющего ракетного танка, бросит на землю лазерный бластер и, матерно ругаясь, покажет вам большую дулю. В игре такого не бывает. А в реальной истории такое уже случалось бессчетное число раз. Огромная армия персидского царя Ксеркса, воинов которой гнали в бой кнутами (не в переносном, а в прямом смысле этого слова), не смогла совладать с маленьким «пятнышком» на карте, называемым «Древняя Греция». Численно ничтожная армия Александра Македонского завоевала огромные

пространства Персидской империи вовсе не потому, что кони в персидской коннице были «безнадежно устаревшими», а серпоносные колесницы «выработали почти весь моторесурс». Крохотный Израиль раз за разом громил многочисленные арабские армии, а вооруженные силы богатейшей страны мира так и не справились с вьетнамскими партизанами, ловившими вертолеты сетями, сплетенными из дикорастущих лиан…

Строго говоря, ни советская, ни считающая себя продолжательницей ее дела часть российской историографии никогда и не отрицала роль «человеческого фактора». Ни в коем разе! Наоборот, неустанное повторение «мантры» про «обстановку всенародного патриотического подъема» было неотъемлемой частью любой публикации, посвященной событиям советско-германской войны. Появилась даже новая отрасль военно-исторической науки: «героика войск».

И я опять не шучу. На полке у меня стоит книжечка, которая просто потрясла меня потоком грубейших фактических «ляпов». На первой же странице текста в первом абзаце сообщается, что Тимошенко сменил Ворошилова на посту наркома обороны СССР… знаете когда? «В декабре 1940 г.». Дальше – больше, и все в том же духе. Кто же автор? На обложке читаем: *«полковник, доктор исторических наук, профессор, автор 300 печатных (лучше было бы сказать – непечатных) работ по теории и истории военного искусства и героике войск».* Разумеется, писать про «героику войск»

доходнее и прелестней. И гораздо проще – не надо проверять ни одной цифры, ибо какая, в конце концов, разница: 15-я или 51-я, танковая или стрелковая дивизия совершила свой подвиг в октябре или ноябре 14-го или 41-го г.? Вообще же логика советской пропаганды не может не изумлять: она (пропаганда) готова была признать почти любой «негатив». Могла согласиться с тем, что в ходе раскулачивания имели место «отдельные перегибы», а сплошная коллективизация не всегда была добровольной, что во время массовых репрессий 37–38-го гг. были допущены «нарушения социалистической законности», да и жизнь в «коммуналках» и бараках была не очень сытной и веселой. Но вот допустить хотя бы тень сомнения в том, что подданные сталинской империи *«как один человек с радостью готовы отдать жизнь за великое дело Ленина – Сталина, и во имя этой идеологии бойцы, командиры и политработники готовы всегда отдать свою жизнь»* (Ворошилов, речь на XVIII съезде партии) – нет, нет и еще раз нет! Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда!

Впрочем, не будем сверх меры и разума преувеличивать роль пропаганды. Пропаганде верят тогда, когда очень хотят в нее поверить. Раз уж мы заговорили про литературу, то как тут не вспомнить бессмертную пушкинскую строку: *«Ах, обмануть меня не трудно – я сам обманываться рад»*. Тупой и примитивной советской пропаганде верили не всегда. Сколько ни талдычили по радио и ТВ про «загнивание

Запада и третий этап общего кризиса капитализма», а народ так и норовил на этот самый «загнивающий Запад» слинять – если уж и не навсегда, то хотя бы в турпоездку за джинсами и японским «двухкассетником». Сколько ни предупреждали знающие специалисты и умеренно приличные политики о том, что рыночная экономика – это не молочная река с кисельными берегами, а в конкурентной борьбе не может «победить дружба», никто их не услышал и им не поверил. В героические мифы советской истории по сей день верят потому, что очень хотят в них поверить. Что другое может найти современный россиянин в истории XX века, что могло бы подкрепить и оправдать его великодержавные амбиции? Чем еще ему гордиться? Нынешним статусом, извините за выражение, «великой энергетической державы»? Московскими офисами, построенными из финских и итальянских материалов на немецкой технике турецкими строителями, в которых несколько тысяч «менеджеров среднего звена» протирают импортные штаны импортными стульями, подсчитывая на импортном компьютере доходы от экспорта российской нефти?

Меня часто спрашивают: когда мы узнаем правду о Великой Отечественной войне и узнаем ли мы ее вообще? Ответ и на этот вопрос очень прост. Узнаем. Когда? Не раньше, но и не позже, чем закончится нынешнее, изрядно затянувшееся, «смутное время» и Россия займет, наконец, достойное ее место в общем ряду цивилизованных стран.

Только тогда мы сможем честно признать, что в нашей недавней истории были не только славные победы, но и позорные поражения.

Андрей Буровский
День «Ч»

Он миновал планету Кловис, триста восемьдесят жителей которой вполне серьезно готовились к завоеванию Вселенной.
К. Саймак

Ксенф напился пьян и обещал выпить море. Наутро, протрезвев, он пришел в ужас от своего обещания.
Из басен Эзопа

Идея завоевания мира

Нет ничего нового в том, что коммунизм в СССР – это утопия у власти. Нет ничего нового в том, что эта утопия хотела сделаться Земшарной.

Нет ничего нового в том, что Сталин был гением недоверчивости, скрытности, коварства, умения просчитать на несколько ходов вперед. Никто не знает, какие формы могла принять эта идея в сталинской голове.

Нет также ничего нового в том, что коммунисты строили империю, для начала собирая страны бывшей Российской империи. Для этого они были готовы в любой момент нару-

шить любые международные договоры. Коммунисты легко нарушили договор с Грузией и оккупировали эту страну в 1921 году. Восстание 1924 года они подавили с невероятной жестокостью. Они повторно завоевали Казахстан, Кавказ и Среднюю Азию. Только нехватка сил помешала им завоевать Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Молдавию.

Уже после 1920 года, и после образования СССР в 1922 году коммунисты вели Гражданскую войну:

1) С белыми армиями.

2) С «зелеными» крестьянскими армиями.

3) С политическими врагами, социалистическими партиями и их вооруженными силами.

4) С национальными государствами и их армиями на окраинах бывшей Российской империи.

Но и это еще не все! Большевики последовательно считали, что Россия – это страна «неправильная». Необходимо коренным образом переделать не только весь ее политический, но и весь экономический и социальный строй. Весь народ России, все его сословия, классы, этнографические и культурные группы подлежали полной «переделке». Как тогда говорили, нужно «сменить кожу».

Вот он, еще один «фронт» Гражданской войны:

5)Война с народом России за его советизацию.

То же самое большевики думали обо ВСЕХ народах мира. Они полагали, что законные правительства всех держав – не легитимны. Они сформированы буржуазией, а не проле-

тариатом. Необходимо свергнуть эти правительства, чтобы пролетариат встал у власти.

Уже в силу этой позиции большевики оказывались в состоянии войны со всем остальным человечеством. Они пока не могли, но очень хотели открыть этот «шестой фронт» Гражданской войны:

6) Война с законными правительствами всего мира.

А за этим шестым направлением Гражданской войны просматривалось и седьмое…

7) Война с народами мира за их советизацию.

Все это – части не национальной, а Мировой Гражданской войны. То, что происходит в стране, легко выплескивается за ее пределы. То, что происходит в мире, отражается на политике большевиков.

Идея мирового господства появилась раньше СССР. Старый друг Ленина, Г. А. Соломон вспоминал еще в самом начале 1918 года: «Следующее мое свидание было с Лениным… Беседа с Лениным произвела на меня самое удручающее впечатление. Это был сплошной максималистский бред.

– Скажите мне, Владимир Ильич, как старому товарищу, – сказал я, – что тут делается? Неужели это ставка на социализм, на остров Утопия, только в колоссальном размере? Я ничего не понимаю…

– Никакого острова Утопии здесь нет, – резко ответил он тоном очень властным. – Дело идет о создании социалистического государства… Отныне Россия будет первым госу-

дарством с осуществленным в ней социалистическим строем… А!.. вы пожимаете плечами! Ну так вот, удивляйтесь еще больше! Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, – это только этап, через который мы проходим к мировой революции!..»[1]

10 июля 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов Советская Россия приняла Конституцию. Состояла она из шести разделов, и второй раздел, «Общие положения», декларировал временный, переходный характер Конституции. Даже в третьем разделе, «Конструкция советской власти», включались формулировки чисто политического характера, ориентированные не на Россию, а на все мировое сообщество. «Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической ориентации общества и победы социализма во всех странах…»

В разделе пятом, «Бюджетное право» – тоже сплошная политика, причем международная.

Конституция определяла способы разрушения всех старых экономических основ государства и финансовый удар по другим государствам. Основные принципы – отказ от уплаты долгов «как первый удар международному банковому, финансовому капиталу» и обещание идти по этому пути «вплоть до полной победы международного рабочего вос-

[1] *Соломон Г. А.* Среди красных вождей. Париж. 1930. Т. 1. С. 15.

стания против ига капитала».

В 1922 г. создается СССР. Конституция Советского Союза начинается с «Декларации об образовании СССР». После долгой демагогии про то, что «там, в лагере капитализма, национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны. Здесь, в лагере социализма, взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов», «Декларация» наконец переходит к делу: «Доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»[2].

Можно привести немало других, не менее впечатляющих, текстов.

СССР – это форма, которую приняла идея фикс коммунистов: о мировом господстве. Очень удобная форма: хотя бы

[2] Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических республик. Принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 года. М., 1924.

теоретически к СССР можно было присоединять какие угодно республики, не изменяя ни политического устройства, ни структуры государства.

Исходная местечковость идеи

Коммунисты не первые придумали завоевать Мир.

Александр Македонский хотел завоевать мир – и мгновенно убедился, что известная ему часть Ойкумены намного меньше, чем неизвестная. Он хотел завоевать Индию – но смог только постоять на самом ее краешке. А за Индией, как «оказалось», лежат колоссальные области, о которых ни самому Александру, ни его великому учителю, Аристотелю, просто ничего не известно.

Причем области земного шара, о которых Александр узнал к концу своей жизни, – только крохотный клочок всей Земли.

Чингисхан заповедал своим потомкам завоевать Вселенную, дойти до «последнего моря». Он смутно слышал про Атлантический океан, и он-то сделался для дикаря и неуча этим «последним». В реальности все завершилось даже не на берегах Атлантики… «Последним морем» стала Адриатика, чем все и кончилось. Океаны то ревели штормами, то расстилались слепящим синим шелком. Они омывали мыс Горн, острова Тасманию и Таити, побережье Калифорнии и Гренландии. Океаны вздымались цунами и несли на себе корабли. В океанах извергались вулканы и плавали вкусные рыбы.

…А в диких и нищих степях на пороге первобытной юрты

сидел неграмотный кривоногий дикарь, который не то что завоевать всего этого не мог… Который даже не знал, что все это существует на свете. А увидел бы – не понял, что именно видит.

И покорить мир силой идей коммунисты хотели не первые.

Императора Римской империи Константина изображали с державой в руке. Держава символизировала собой земной шар, в который воткнут крест, символ христианизации Мира. Империя считала себя кораблем истинной веры, плывущим в океане язычества. Но планам захватить и христианизировать мир не суждено было не только сбыться – они не смогли даже приблизиться к осуществлению.

Все «великие» завоеватели неизбежно сталкиваются с тем, что мир намного больше и разнообразнее, чем это им кажется с идеологического бодуна.

Захлебываясь от энтузиазма по поводу «Земшарной республики Советов», стремясь «землю Гренады крестьянам отдать», мечтая умереть в боях на Ганге, чтобы их арбатская родина сияла от Японии до Англии, мальчики в красных революционных штанишках совершенно не учитывали этого.

О Земшарной республике Советов всерьез говорить не будем: не становиться же на одну доску с Пашей Коганом и другими в той же степени несерьезными людьми.

В самой постановке таких задач есть что-то глубоко местечковое.

Возьмем даже не весь Мир, возьмем только Европу – маленький кусочек нашего колоссального мира. Даже этот кусочек слишком велик и разнообразен, чтобы кто-то мог его завоевать. Не только Сталин, а вообще кто бы то ни было.

Идея завоевания Европы

В пропагандистских фильмах типа «Снайпер» или в книге «Первый удар»[3] война будущего понималась просто: разгром Вермахта, с дальнейшим постижением вражескими солдатами всей гениальности идей Маркса.

Фильм «Если завтра война» снимали, используя документальные съемки проводившихся тогда маневров. Документальные кадры переходят в художественные: враг нападает, мгновенно разбит, война идет на территории противника, РККА бомбит Германию: Нюрнберг, Магдебург, Фюрт. А в Германии, конечно же, вспыхивают восстания пролетариата против «фашистов».

Даже представим себе на мгновение – так и было бы в реальности, а не в воспаленном воображении режиссеров и постановщиков.

Но какая же в этом «Земшарность»?

Даже если разбить Вермахт и оккупировать Германию, за ней лежат Франция и Бельгия, Швейцария и Италия, страны Балкан и Скандинавия. Каждую страну придется завоевывать, положив немало своих солдат. В каждую из них придется вводить оккупационную армию, подавляя восстания и проводя советизацию. Где взять силы для всего этого?

В реальности СССР с трудом и не до конца советизиро-

[3] *Шпанов Н.Н.* Первый удар. Повесть о будущей войне. М., 1939.

вал только Восточную Европу, и даже в ней имел «проколы» типа Югославии, Албании, упорного польского сопротивления.

Кстати, Россию-то коммунисты советизировали? Они искренне верили, что личность человека – полное ничто, продукт среды, и не более. А раз так, если воспитать человека в правильной среде, то и получится единомышленник-коммунист. Но множество людей, которых они воспитывали пионерами и комсомольцами, выросли или совершенно равнодушными к идеологии, или убежденными врагами советской власти.

Это в России. Как же они собирались советизировать Испанию и Ирландию? Не говоря об индейцах в Перу и фермерах Австралии?

Что ж до захватов… Завоевывать мир им все время мешало как раз то, во что коммунисты то ли «не верили», то ли ни в грош не ставили: внутренний мир, внутренние убеждения человека. Финны ложились за валуном и стреляли до последнего, ценой собственной жизни всаживая пулю за пулей в «строителей светлого будущего». И потому, даже разделив мир с Гитлером, Сталин не смог завоевать отведенной ему Финляндии. После войны СССР вынужден был уйти из Австрии, отказаться от ввода войск в Грецию…

Если бы СССР в 1941 г. и приступил бы к реализации планов захвата Европы, осуществить их он не мог бы чисто физически.

Сама попытка такого рода была совершеннейшим безумием в самом прямом, буквальном смысле – проявлением неадекватности. Такую попытку могли предпринять только люди, духовно живущие вне реального мира.

Зачем коммунистам была необходима война?

В Гуверовском институте Стенфордского университета в Калифорнии (США) хранится пакет из 232 особо секретных постановлений советского Политбюро по вопросам внешней политики за 1934–1936 гг. «Немецкие агенты регулярно приобретали такие документы, получая их через 7–8 дней после их создания»[4]. Эти постановления содержали информацию об указаниях Политбюро верхушке Наркоминдела и высшим государственным чиновникам.

11 февраля 1934 г. Политбюро решило, что крупная европейская война поможет пролетариату захватить власть в крупнейших европейских центрах.

В постановлении Политбюро от 1 мая 1935 года Политбюро полагало, что СССР примет участие в новых конфликтах в Европе и в Азии ровно в той мере, «которая позволит ему оказаться решающим фактором в смысле превращения мировой войны в мировую революцию»[5].

19 августа 1939 г. Сталин на Политбюро говорил, что если подписать Пакт с Третьим рейхом, то рейх непременно

---

[4] *МакДауэлл Дж., Ловенталь М.* Документы внешней политики Сталина, проливающие свет на пакт Сталина – Гитлера //Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М., 2008. С. 235.

[5] Там же. С. 243.

нападет на Польшу. А тогда и вступление в войну Англии и Франции станет неизбежным. Советский же Союз может остаться в стороне от конфликта и выжидать в выгодном положении, пока придет его очередь.

Еще в 1920 г. во время советско-польской войны задача ставилась: «Дойти до Германии, неся на красноармейских штыках труп белой Польши». Теперь, с 1939-го, и Польши нет, Брест стоит на советско-германской границе.

«Ледокол революции» врубился в тело остальной Европы и к 1940 г. завоевал ее почти всю.

Судя по всему, Сталин вовсе не торопился. Он оттягивал время, но вовсе не по трусости или по слабости. Он ведь видел – время работает на СССР. Чем позже СССР вступит в войну – тем больше государства Европы будут измотаны, воюя друг с другом. А Красная Армия с каждым годом будет становиться все профессиональнее, сильнее, активнее, управляемее.

Если можно ударить на Гитлера в августе 1941 г. – это лучше, чем в июле. А если можно весной 1942 г. – еще лучше! Если Гитлер опередил Сталина – то именно потому, что Сталин очень уж не торопился. Время работало на него.

А за всеми границами Красную Армию с нетерпением ждут единомышленники, ждущие только момента – как бы им взорвать мир, в котором они живут?

Пропаганда наступательной войны

Анекдотичность разговоров о «миролюбии СССР» очень хорошо видна, если почитать статьи в советской прессе 1938–1939 гг. Буквально устаешь от потока злобной, не стесняющейся в выражениях агрессии. «Фашистские уроды», «каннибалы», «тупицы», «так называемые «генералы» – это еще комплименты. Карикатуры, на которых вражеских солдат и политиков изображают со свиными рылами и с обезьяньими мордами, – в «Красной Звезде» и в «Литературной газете».

Что характерно: в 1938 г. ЦК ВКП(б) уже говорит о «начавшейся мировой войне». О «Второй мировой войне», которая приведет к восстаниям и революциям в Европе… Формально Вторую мировую числят с 1 сентября 1939 г., но для коммунистов она уже началась. Что и логично: гражданская война в Испании уже идет, Чехословакию уже делят.

Еще характернее четкая антигерманская направленность всей милитаристской пропаганды.

Общей границы с Третьим рейхом еще нет. Войной именно с немецким народом еще и не пахнет. А вражеские солдаты в фильмах «Если завтра война» и «Эскадрилья № 5» говорят по-немецки! А Эйзенштейн именно в 1938 г. снимает «Александра Невского»!

Вот песня из этого кинофильма «Если завтра война».

Слова В. Лебедева-Кумача, музыка Дм. и Дан. Покрассов.

Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет, —
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет.

Припев:

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход, —
Будь сегодня к походу готов!

Если завтра война, – всколыхнется страна
От Кронштадта до Владивостока.
Всколыхнется страна, велика и сильна,
И врага разобьем мы жестоко.

Припев.

Полетит самолет, застрочит пулемет,
Загрохочут могучие танки,
И линкоры пойдут, и пехота пойдет,
И помчатся лихие тачанки.

Припев.

Мы войны не хотим, но себя защитим, —
Оборону крепим мы недаром, —
И на вражьей земле мы врага разгромим
Малой кровью, могучим ударом!

Припев.

В целом мире нигде нету силы такой,
Чтобы нашу страну сокрушила, —
С нами Сталин родной, и железной рукой
Нас к победе ведет Ворошилов!

Припев.

Подымайся, народ, собирайся в поход!
Барабаны, сильней барабаньте!
Музыканты, вперед! Запевалы, вперед!
Нашу песню победную гряньте!

Припев:

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч, и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход, —
Будь сегодня к походу готов!

Фильм Абрама Роома «Эскадрилья № 5» начинается с того, что советская разведка перехватывает приказ коман-

дования Третьего рейха о переходе советской границы. На бомбежку немецких аэродромов вылетают тысячи советских самолетов, в числе которых – эскадрилья №5. «Наши» со страшной силой громят «ихних», но «фашисты» подбивают два наших самолета. Летчики эскадрильи №5 – майор Гришин и капитан Нестеров – на парашютах спускаются на территорию врага. А! Вот они, подземные ангары врагов!!! Захватив рацию, герои вызывают эскадрильи советских бомбардировщиков. «Мы» «им» покажем – строить подземные ангары! А вот и немецкий антифашист. Свой парень, пролетарий, рабочая косточка. С его помощью герои фильма захватывают «ихний» самолет и улетают к своим.

И в литературе делается то же самое! В конце 1930-х советская литература не просто нагнетает военную истерию (она делала это с 1918 г.). Она называет вполне конкретного будущего врага: «фашистскую» Германию. Социалистический рейх.

Ни одна книга перед войной не имела таких тиражей, как «Первый удар»[6]. После подписания Пакта в 1939 г. книгу изъяли из продажи… Но к тому времени ее только ленивый не прочитал. И вообще каждый красный командир обязан был прочитать эту книгу, потому что военное издательство выпустило ее в учебной серии «Библиотека командира».

В ней все «как надо»: враг, «фашисты», нападает. Но «наши», конечно же, мгновенно опрокидывают врага, на

[6] См.: *Шпанов Н.Н.* Первый удар. Повесть о будущей войне. М., 1939.

территории СССР бой идет только первые сутки. А потом небо темнеет от самолетов-мстителей… «Процент поражения был вполне удовлетворительным, несмотря на хорошую работу ПВО противника. Свыше пятидесяти процентов его новеньких двухпушечных истребителей были уничтожены на земле, прежде чем успели подняться в воздух».

«Летный состав вражеских частей, подвергшихся атаке, проявил упорство. Офицеры бросались к машинам, невзирая на разрывы бомб и пулеметный огонь штурмовиков. Они вытаскивали самолеты из горящих ангаров. Истребители совершали разбег по изрытому воронками полю навстречу непроглядной стене дымовой завесы и непрерывным блескам разрывов. Многие тут же опрокидывались в воронках, другие подлетали, вскинутые разрывом бомб, и падали грудой горящих обломков. Сквозь муть дымовой завесы там и сям были видны пылающие истребители, пораженные зажигательными пулями. И все-таки некоторым офицерам удалось взлететь. С мужеством слепого отчаяния и злобы, не соблюдая уже никакого плана, вне строя, они вступали в одиночный бой с советскими самолетами. Но эта храбрость послужила лишь во вред их собственной обороне. Их разрозненные усилия не могли быть серьезным препятствием работе советских самолетов и только заставили прекратить огонь их же собственную зенитную артиллерию и пулеметы».

До какой же все-таки степени материализуется то, чего мы ждем… Конечно, в книгах и фильмах «мы» стреляли, а

«они» взрывались. В реальной истории было не совсем так… Но советское общество с 1938 г. ждало войну с Германией. Можно сказать, накликивало ее по всем правилам первобытной магии. Ну и накликало. Как же тут не поверить в то, что мысль материальна, и в Божий Промысел в истории?

Что же до высказываний официальных лиц, то «…множество «косвенных улик» позволяет с большой долей уверенности предположить, что именно в мае 1941-го в Москве было принято решение начать крупномасштабную войну с Германией, причем не когда-то в неопределенном будущем, а в июле – августе 1941-го»[7].

Например, 5 мая 1941 года Сталин выступил с речью перед выпускниками военных академий на приеме в Кремле. В ней он, не называя противника, неожиданно объявил, что СССР будет вести не оборонительную, а наступательную войну, к которой страна готова.

Вопрос – в какой степени готова?

---

[7] *Солонин М.* СССР – Финляндия. От мирного договора – к войне. // Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М., 2008.

Технический потенциал Красной армии

На 22 июня 1941 г. Красная Армия была самой многочисленной армией мира. В приграничных округах и флотах СССР имелось 3 289 850 солдат и офицеров, 59 787 орудий и минометов, 12 782 танка, из них 1475 танков Т-34 и КВ, 10 743 самолета. В составе трех флотов имелось около 220 тыс. человек личного состава, 182 корабля основных классов (3 линкора, 7 крейсеров, 45 лидеров и эсминцев и 127 подводных лодок).

Непосредственную охрану государственной границы несли пограничные части (сухопутные и морские) восьми пограничных округов. Вместе с оперативными частями и подразделениями внутренних войск они насчитывали около 100 тыс. человек.

Эти войска подчинялись пяти приграничным округам: Ленинградскому, Прибалтийскому Особому, Западному Особому, Киевскому Особому и Одесскому. С моря действия сухопутных войск должны были поддерживать три флота: Северный, Краснознаменный Балтийский и Черноморский.

Войска Прибалтийского военного округа под командованием генерала Ф. И. Кузнецова включали в себя 8-ю и 11-ю армии, 27-я армия находилась на формировании запад-

нее Пскова. Эти части располагались от Балтийского моря до южной границы Литвы, на протяжении 300 км.

Войска Западного Особого военного округа под командованием генерала Д. Г. Павлова располагались от южной границы Литвы до реки Припять на фронте протяженностью 470 км.

В состав этого округа входили 3, 4 и 10-я армии. Кроме того, соединения и части 13-й армии формировались в районе Могилев, Минск, Слуцк.

Войска Киевского Особого военного округа под командованием генерала М. П. Кирпоноса в составе 5-й, 6, 12 и 26-й армий и соединений окружного подчинения занимали позиции на фронте протяженностью 860 км от Припяти до Липкан в Северной Молдавии.

Войска Одесского военного округа под командованием генерала Я. Т. Черевиченко прикрывали границу на участке от Липкан до устья Дуная протяженностью 480 км.

Войска Ленинградского военного округа под командованием генерала М. М. Попова располагались в северо-западных районах СССР (Мурманская область, Карело-Финская ССР и Карельский перешеек), а также на северном побережье Эстонской ССР и полуострове Ханко. Протяженность сухопутной границы на этом участке достигала 1300 км, а морской – 380 км. Здесь располагались – 7, 14, 23-я армии и Северный флот.

Но эти 186 дивизий – только часть Красной Армии, вклю-

чавшая 303 дивизии общей численностью 5400 тыс. человек. Всего в СССР жило 34–37 млн потенциальных призывников. Число призванных за четыре года войны составило 28 807 150 человек.

Вермахт

Суворов абсолютно справедливо пишет, что в СССР старательно преуменьшали численность Красной Армии, качество ее вооружений и так же старательно преувеличивали численность Вермахта и качество его боевой техники.

Классический способ передергивать – это сравнивать заведомо несравнимые величины: например, только тяжелые танки в СССР и ВСЕ танки Третьего рейха. Или сравнивать ВСЮ артиллерию Вермахта только с числом стволов калибром более 76 мм в Красной Армии.

Еще в СССР считали, что в дивизиях Красной Армии было по 8–9 тыс. человек, тогда как реально в среднем по дивизии числилось 12 360 солдат и офицеров.

Приводя численность Красной Армии, обычно не учитывали примерно 500 тыс. человек из дополнительного призыва, поступившего в июне 1941-го.

А говоря о Вермахте, учитывали и боевой состав, и технических работников, и обслугу.

В общем, шулерских приемов много.

Если учитывать не весь персонал Вермахта, а только боевой состав, то его численность на лето 1941 г. надо определить в 4,2 млн человек, из них 1,8 млн – граждане других государств, не Германии. Из них порядка 3 млн человек в западных приграничных округах и войсках второго стратеги-

ческого эшелона. Потенциальных призывников в рейхе было 23 млн, из них реально призвали 21 100 тыс. человек.

В войсках только западных приграничных округов Красная Армия имела более 37 тыс. орудий и минометов, а в войсках Вермахта и всех его союзников – не более 31 тыс. стволов.

Помимо моторизованной артиллерии, в штатах немецкой пехотной дивизии первых волн было 6300 лошадей, из них почти половина в артполку. Вся артиллерия пехотных дивизий была на конной тяге. Моторизована была лишь артиллерия ПТО, РГК, танковых и мотопехотных дивизий.

На границе с СССР стояло всего 3300 танков и 250 самоходных орудий, из них 1600 легких (Т-1, Т-2 и Т-38) и 1610 средних (Т-З и Т-4). Против 1610 средних танков Вермахта в западных округах СССР стояло 160 тяжелых и средних танков КВ и Т-34, намного превосходивших немецкие по боевым качествам. А против 1600 немецких легких танков было около 9 тыс. советских легких, нисколько не уступавших нацистским (без учета 2 тыс. танков мехкорпусов второго стратегического эшелона).

Против 3046 всех нацистских боевых самолетов (1067 истребителей, 1417 бомбардировщиков и 562 разведчика) ВВС западных округов, флотов и дальнебомбардировочная авиация (ДБА) имели 9917 боевых самолетов, в том числе в округах – 7133, в ДБА – 1339 и на флотах – 1445.

Самолетов новых типов советские ВВС приняли от заво-

дов 3719, так как в числе новых надо учитывать и самолеты образца 1939–1940 гг. ДБ-ЗФ, Ар-2, Су-2, Ту-2, Як-4, Пе-8, ББ-2, которых было более тысячи. Вермахт же изо всех 3046 боевых самолетов имел новых менее 2 тыс., если исключить устаревшие самолеты Ю-87, Хе-111, До-217 и др.

Что мы имеем в итоге? Правильно: подавляющее превосходство Красной Армии над Вермахтом в количестве и качестве танков и авиации. Неудивительно, что руководство СССР не боялось потенциального противника.

Позже Сталину много раз ставили в вину, что он не стал объявлять всеобщую мобилизацию и не стал вводить войска в предполье укрепрайонов до нападения нацистов. Если это и ошибка, то только в оценке боеспособности войск. Сталин и Народный комиссариат обороны считали, что 186 дивизий и всей накопленной силищи вполне хватит, чтобы отразить любое внезапное нападение Третьего рейха и всех его союзников.

Если судить по числу дивизий и боевой техники, Сталин совершенно прав: Красная Армия намного сильнее Вермахта. Если Сталин ошибся, то не потому, что неправильно посчитал дивизии.

Наверное, война Третьего рейха и СССР была неизбежна потому, что каждый из них претендовал на мировое господство, а создать второй земной шар пока что никому не удавалось. К тому же «дорогие союзники» не доверяли друг другу. Договориться они практически никак не могли.

Не случайно же и Третий рейх, и СССР держали на общей границе большие контингенты войск. Проводили общий парад, подписывали договоры, обменивались ценным опытом… А на границе к 22 июня 1941 г. стояли, по Мельтюхову[8], такие силы:

Количество:	Советских	Германских	Соотношение
Дивизий	190	166	1,15:1
Солдат	3 289 851	4 306 800	1:1,3
Танков и штурмовых орудий	15 687	4171	3,8:1
Самолетов	10 743	4846	2,2:1
Артиллерии — орудий и минометов	59 787	42 604	1,4:1

Советские войска посильнее. При этом тяжелых танков (более 40 т) у нацистов вообще не было, а в Красной Армии – 564 машины (504 новейших КВ и 59 Т-35); средних танков (более 20 т) у нацистов было 990, а у Красной Армии – 1373, в том числе 892 новейших Т-34 и 481 Т-40. Но ведь и нацистские войска стоят наготове. Как встали в 1939 г., так два года и стоят… задолго до плана «Барбаросса».

Глобальная неизбежность войны дополнялась множеством мелких взаимных уколов.

СССР захватил больше, чем ему «полагалось» по пакту Молотова – Риббентропа (то-то потребовалось три новых

[8] См.: *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. М., 2000.

секретных протокола, уточняющих границы зон оккупации – и все три в пользу СССР).

Наверное, вопрос был только в одном: когда именно и кто на кого нападет. И тут действительно возникает недоумение: почему Гитлер выбрал такое неудобное время для нападения? Если бы он напал после покорения Британии, все было бы понятно. А так, до проведения операции «Морской лев», начало войны с СССР означало войну на два фронта. Нацисты и Вермахт очень боялись такой войны – по опыту Первой мировой. Почему же на это шли?

Во-первых, потому, что убедились: Британию не победить. По крайней мере, пока.

Во-вторых, с Британией никак не удавалось заключить мир.

В-третьих, СССР не удалось использовать против Британии.

Для чего стояла эта армия?

В СССР обычно говорили, что Советский Союз с 1939 года «начинает активно готовиться к вступлению в войну». В порядке подготовки увеличивается численность Красной Армии, промышленность переводится с шестидневной на семидневную неделю, рабочий день увеличивается на час, вводится закон об уголовной ответственности за опоздания и прогулы, отменяется право увольняться «по собственному желанию».

Но почему, собственно, «готовится»? СССР находится в состоянии войны с 17 сентября 1939 года. Он аннексировал 3 страны, делил Польшу, отгрызал куски от Румынии, провел Зимнюю войну с Финляндией и начал с ней новую войну одновременно с нападением нацистов.

Все меры по укреплению тыла вполне можно объяснять не подготовкой, а естественными изменениями в законах и нравах воюющей страны.

Этим же объясняется запуск в серийное производство образцов новой военной техники: новейших самолетов, танков, реактивных минометов «катюши» и т.д.

Войска стягиваются к западным границам? Но ведь не только Гитлер не доверял Сталину. Сталин тоже не доверял Гитлеру. Он тоже готовился. (Да и почему эти двое и их окружение должны были доверять друг другу? Не такие они

были наивные.)

О плане «Барбаросса» мы знаем достаточно много. Документы о планах советского руководства к 22 июня 1941 года, приказы Наркомата обороны и Киевского военного округа в первые часы и дни войны не рассекречены и по сей день. Есть отдельные документы… Но они очень красноречивы.

«Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР» – 18 сентября 1940 г.

«Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных сил СССР» – 11 марта 1941 г.

«Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»[9] – май 1941 г.

И наконец, «записка начальника штаба Киевской ПВО по решению Военного Совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 год»[10].

В сущности, это один и тот же документ, много раз уточнявшийся и дорабатывавшийся.

В общей сложности Красная Армия включала 61 танковую и 31 мотострелковую дивизию, 12 400 танков, не считая тысяч пулеметных танкеток.

Эта громадная армия вторжения должна была реализовывать доктрину «малой кровью и на чужой территории». Трудно сказать, как там насчет «малой крови», но вот насчет чу-

---

[9] Военно-исторический журнал. 1992, № 1 и 2.

[10] Россия – XX век. Документы. 1941 год. Кн. 1. М., 1998.

жой территории – это точно. Согласно всем этим документам, неприятельские войска не должны были находиться на территории СССР больше суток. Это если враг вообще будет атаковать первым. А лучше считалось «ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания».

И вообще, «наша оперативная подготовка, подготовка войск должна быть направлена на то, чтобы обеспечить на деле полное поражение противника уже в тот период, когда он еще не успеет собрать все свои силы»[11].

Вот так. Нападать первыми, не ждать полного развертывания вражеских войск. И – на чужую территорию. К 30-му дню войны Красная Армия должна была выйти «на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц». То есть находиться в 300–350 км от новой границы СССР, на территории Польши и Чехии.

Следующий этап, прописанный менее четко, – «овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии».

Точно так же, кстати, и в плане «Барбаросса» ближайшие планы прописывались четко, последующие – менее определенно. Сроки вторжения – не ранее 10–15 июля. Неточно? Но день наступления на Бельгию и Францию Гитлер переносил 9 раз. День нападения на СССР – трижды. Все переносы

[11] *Мельтюхов М.А.* Упущенный шанс Сталина. М., 2000.

и уточнения такого рода – в пределах обычного при планировании операций такого масштаба.

Среди моделей, которые рассматривали в СССР, была и такая: нацисты нападают в Белоруссии силами 50 дивизий. А Красная Армия силами 44 дивизий их сдерживает и одновременно наносит удар с юга на Краков. 44 обороняющиеся дивизии действительно могут сдержать 50 атакующих… Отличный план, но для его реализации надо, чтобы 44 дивизии хотели бы кого-то сдерживать.

Могла ли Красная Армия в 1941 году напасть на Вермахт, разгромить его, захватить и оккупировать Германию? Могла ли она пройти сквозь Германию до Ла-Манша, ворваться во Францию, дойти до Пиренеев и Средиземного моря?

С точки зрения технической, могла. 303 дивизии, 11 тыс. танков, почти 10 тыс. самолетов, 40 тыс. крупнокалиберных стволов. Это колоссальная сила, и равной ей в Европе просто не было. Если бы все решалось численностью танков и пушек, Сталин захватил бы весь мир очень легко.

Однако советское руководство не видело минусов Красной Армии, а они очень велики.

Минусы Красной армии

Советские люди ценят все материальное. Военная техника – это для них очень важно. Гораздо важнее духа войск, психологии солдат, их доверия к офицерам и всему руководству страны…

Техника для них постоянно оказывается важнее и самих людей, в том числе важнее их квалификации.

На самом деле с квалификацией не очень хорошо обстояло дело и в Вермахте. К началу 1939 года были сформированы 12 армейских корпусов Вермахта из 38 дивизий, общей численностью 582 тыс. человек. К сентябрю 1939 года в Вермахте было уже 3 214 000 человек, а к 1941-му – 7 234 000 (включая и боевой, и небоевой состав). При таком стремительном росте численности армии множество солдат оставались плохо подготовлены… с точки зрения профессиональной армии, конечно.

Но, во-первых, в Вермахте и в первую очередь в германских частях на унтер-офицерских должностях служили прекрасные специалисты.

Единого звания для рядовых солдат в Вермахте, подобно Красной Армии (красноармеец, краснофлотец, рядовой), не существовало даже внутри рода войск. Рядовые солдаты именовались по своей специальности, должности.

Рядовые в разных частях носили разные названия. Рядо-

вой в горнострелковых частях назывался Jager (охотник); рядовой в кавалерии – Reiter (всадник). Рядовой артиллерист – Kanonier (стрелок). Рядовой танкист – Panzerschutze (танковый стрелок). А в мотопехоте – уже Panzergrenadier (танковый гренадер).

Старшина (фельдфебель) в разных родах войск тем более жестко отделялся от старшины в другом роде войск. Sanitatstabsfeldwebel – это главный старшина медицинской службы, который не имеет ничего общего со старшиной-кузнецом (Stabsbeschlagmeister) или со старшиной-сапером – Festungspionierstabfeldwebel'ем. И так вплоть до старшины-голубевода (Stabsbrieftaubenmeister).

А общее немецкое слово солдат «Der Soldat» использовалось только как собирательное название.

Во-вторых, хотя бы часть офицерского состава была хорошо подготовлена.

Офицеров сравнительно мало, их квалификация и моральный дух традиционно высоки.

Советские взводы и роты были подготовлены гораздо слабее, чем их немецкие противники. Во время войны разрыв между выучкой солдат Красной Армии и Вермахта постепенно сокращался: красноармейцы накапливали опыт. В Вермахте же к 1943 году выбило многих квалифицированных солдат, а новых призывников обучали на скорую руку и плохо.

Но если разрыв сократился в ходе военных действий, зна-

чит – до их начала солдат Красной Армии готовили мало и плохо. Так и есть.

Летчики в СССР по выходе из училища имели всего 40–50 часов налета. В Вермахте – порядка 400 часов.

Полезно посмотреть на Красную Армию глазами нацистских генералов: многие из них написали и издали свои воспоминания. Красная Армия виделась им как громадное неповоротливое скопище малоподготовленных, малоинициативных людей. Эти люди не умеют использовать свою боевую технику, плохо обращаются с ней и часто ее ломают. Они храбры в наступлении и цепки в обороне, но мало доверяют начальству и легко поддаются панике.

Части Красной Армии казались нацистам не умеющими четко взаимодействовать друг с другом, лишенными надежной связи и мало помогающими друг другу.

Эта картина может вызвать раздражение «патриотов» советского разлива. Не случайно же так популярен В.Суворов: ведь он сказал, что у СССР не было технического отставания! Тезис отставания в современной России чаще всего вызывает чисто эмоциональный протест и раздражение. Но именно так виделась нацистам Красная Армия. Причем напомню еще раз – сам Вермахт не был очень профессиональным. Армия Британской империи была намного лучше подготовлена и обучена, чем армия Третьего рейха.

Трудно представить себе армию, которая имела бы лучшую материальную часть, чем РККА, но которая была бы

способна хуже распорядиться этим богатством.

Очень характерно утверждение нацистов, что одной из главных причин тактических недостатков РККА была недостаточная механизация. Как же так?! Ведь боевых машин в РККА было значительно больше, чем в Вермахте?! Да, но транспортных машин было как раз намного меньше.

РККА – единственная крупная европейская армия, которая за всю войну так и не приняла на вооружение бронетранспортеров. Мотопехота обычно перевозилась на броне танков, большая часть пехотинцев передвигалась пешком.

Чаще всего это объясняют «необходимостью» выпускать как можно больше танков. Поскольку все промышленные мощности были заняты, выпуск бронетранспортеров неизбежно бы повлек уменьшение количества выпущенных танков. Что характерно: во время войны командование РККА рассматривало бронетранспортеры как излишнюю роскошь, но после войны была развернута программа широкой механизации Красной Армии.

В действительности уменьшение числа выпускаемых танков вполне можно было бы компенсировать и подготовкой танкистов, и выпуском бронетранспортеров… При большей квалификации танкистов и танков для выполнения одних и тех же задач потребовалось бы меньше.

Так что не в недостаточных производственных мощностях тут дело и не в тактических доктринах самих по себе. Дело в особенном устройстве мозгов советских людей: они по-

следовательно считали, что техника важнее людей, чувство долга важнее комфорта – в том числе и психологического, а выполнение поставленных партией задач намного важнее сохранения жизни и здоровья людей. То есть опять же важен не человек, а лишь результат его труда.

Армия из другой эпохи

Эта черта РККА и всего советского общества очень характерна для начала периода индустриализма, для конца XVIII – первой половины XIX века. Тогда промышленная продукция производилась на очень простых станках, квалификация рабочих была не высока. Потому и выгодным было заставлять рабочего «пахать» по 14–16 часов в сутки. Важен был станок: грубый, не сломаешь, но стоит во много раз больше, чем труд рабочего. Важен результат труда: и сырье, и готовая продукция стоят намного больше, чем заплачено рабочему.

А вот рабочий не важен: его труд не ценен. Если он заболел, устал, состарился, его легко можно заменить другим.

В России промышленный переворот задержался, в Российской империи и в начале XX века было много производств, на которых рабочий менее ценен, чем станок, сырье и изготовляемый продукт. Большевики, захватив власть, «подморозили» Россию, остановили общественное развитие. В середине XX века многие россияне мыслили так же, как полвека назад. Да ведь и марксизм родился в раннем индустриальном обществе.

В Европе в середине XIX века появились станки, которые требовали от работника квалификации. Чем дольше надо учить рабочего, тем большую ценность он представляет. Тем выше доля его зарплаты в стоимости продукта. Тем сложнее

станок – а тем самым и легче его сломать, если рабочему не нравится работать или он захотел нагадить хозяину.

Такие производства были и в России, но к началу Первой мировой промышленность только начала переключаться на них. Германия же почти не застала первой стадии индустриализма, сразу переходя к квалифицированному труду. По этой причине Германия к началу 20-го столетия и вырвалась вперед, обгоняя Британию и Францию. Потому в Германии и не сложилось массового нищего люмпенства, как в Британии.

Армия массового призыва – тоже своего рода «массовое производство». В СССР это «производство» организовано по законам другой эпохи.

Можно долго приводить примеры того, как недоумевают нацистские генералы и офицеры: почему советские начальники так не берегут своих солдат?! Для многих из них это служит убедительным доказательством: это еврейские комиссары сознательно губят русский народ.

Сохранился вопрос, который легенды приписывают то Гальдеру, то Вейдлингу, то Пауэльсу, то даже Дуайту Эйзенхауэру. Задавался он в разных вариантах легенды то Коневу, то Жукову. Во всех версиях легенды советскому военачальнику задают вопрос:

– Почему вы так мало бережете жизни ваших солдат?

На что советский военачальник пожимает плечами и отвечает вполне браво:

– Воюем по-нашему! По-сталински!
Но не только в сталинизме тут дело.

Армия национальная или классовая?

Сам дух Вермахта исходно был совершенно другой, чем Красной Армии. Ведь Красная Армия исходно создавалась как армия «классовая», армия «пролетариата». Вермахт формировался как имперская армия, включающая разные национальные части. Правящая партия много раз пыталась поставить армию под контроль, но должности комиссара в Вермахте никогда не было. Даже если партийная власть и существовала – то на дистанции.

А в РККА каждая часть от батальона и крупнее имела кроме командира еще и комиссара. Такая система была введена еще во время Гражданской войны. Только в апреле 1940 года, после финской войны права комиссаров были урезаны, они потеряли право отменять приказ командира части. До того комиссар подтверждал или отменял любой сколько-нибудь важный приказ командира части.

Почти все комиссары ничего не понимали в вопросах военного дела. Да от них и требовалось вовсе не это, а только абсолютная личная преданность ВКП(б) и лично товарищу Сталину.

Разумеется, были среди комиссаров очень разные люди. Одни честно помогали «своим» командирам, другие устранялись от всего, кроме «политического воспитания» личного состава. Третьи же давали ценные указания и даже начи-

нали сами командовать. Попытка же приструнить комиссара могла дорого обойтись командиру.

Кроме того, в армейских частях очень независимую систему представлял собой комсомол. Если солдат РККА приходил на службу не комсомольцем, его быстро принимали в комсомол. А комсомольские собрания шли… закрытые. Солдаты собирались на собрания, обсуждали командиров и комиссаров, а порой писали на них доносы и даже прямо отказывались подчиняться. Фактически рядовые солдаты любой части в любой момент могли понять, какая прелесть этот комсомол, и практически выйти из-под контроля. А попытка воздействовать на солдат могла тут же обернуться для командира части доносом в «дорогие органы».

О «дорогих органах»

Особый отдел… Так называлось подразделение военной контрразведки, входившее в состав Красной Армии. Особые отделы были созданы 19 декабря 1918 года постановлением Бюро ЦК РКП(б), по которому фронтовые и армейские ЧК были объединены с органами Военного контроля, и на их основе образован новый орган – Особый отдел ВЧК при СНК РСФСР.

Теоретически – военная контрразведка. Фактически – система слежки и контроля за войсками, единая централизованная система органов безопасности в войсках. В 1934–1938 гг. военная контрразведка как Особый, затем – 5-й Отдел, входит в состав Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. В марте 1938 года с упразднением ГУГБ, на базе 5-го Отдела создается 2-е Управление (особых отделов) НКВД СССР. Уже в сентябре 1938 г. Особый отдел воссоздается как 4-й Отдел ГУГБ. В подчинении – особые отделы (ОО) в РККА, РККФ, войсках НКВД.

То есть Особый отдел существует в армии – но армии не подчиняется.

Особый отдел НКВД следил за политическим и моральным состоянием части, а также должен был выявлять изменников, шпионов, диверсантов, террористов, контрреволюци-

онные организации и группы лиц, ведущих антисоветскую агитацию. Он вел следствие под надзором прокуратуры и передавал дела в военные трибуналы.

С начала войны по октябрь 1941 года особыми отделами и заградотрядами войск НКВД было задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. В этой массе было выявлено и разоблачено 1505 шпионов и 308 диверсантов. То есть вражеских агентов арестовано меньше 2 тысяч. А военных задержано больше 65 тыс.[12]. За антисоветскую агитацию и «неправильные» разговоры, не иначе.

[12] См.: *Дегтярев К.* СМЕРШ. М.: Яуза-Эксмо, 2009.

О странных сталинских репрессиях Красной армии

О «неоправданных сталинских репрессиях» в РККА в 1937 году не писал разве что ленивый. О гениальности репрессированных командиров лили слезы начиная с эпохи Хрущева. Придется поговорить и об этом…

Жестокие сталинские репрессии в РККА начались с «дела Тухачевского», которое официально называлось: дело «антисоветской троцкистской военной организации». Это дело по обвинению 9 крупных советских военачальников в организации военного заговора с целью захвата власти. Из них армейский комиссар 1-го ранга, начальник Политуправления РККА, первый зам наркома обороны СССР Я.Б. Гамарник застрелился накануне ареста. Остальных судили.

Эти 9 высших руководителей РККА обвинялись в

– передаче в 1932–1935 годах представителям германского Генштаба секретных сведений военного характера;

– разработке в 1935 году подробного оперативного плана поражения Красной Армии на основных направлениях наступления германской и польской армий;

– подготовке террористических актов против членов Политбюро ЦК ВКП(б) и советского правительства;

– подготовке плана вооруженного «захвата Кремля» и ареста руководителей ЦК ВКП(б) и советского правитель-

ства, то есть подготовке военного переворота, назначенного на 15 мая 1937 года.

Целью организации был объявлен насильственный захват власти в СССР в случае военного поражения от Германии и Польши.

Следствие заняло меньше месяца, судебное заседание прошло через два дня после утверждения обвинительного заключения и заняло всего один день. При этом судебное заседание было закрытым, подсудимые лишены права на защиту и обжалование приговора. В материалах суда не приводятся какие-либо факты, подтверждающие предъявленные обвинения в шпионаже, заговоре и подготовке террористических актов. Приговор от 11 июня 1937 года целиком основан на признаниях (или все же «признаниях»?) подсудимых.

11 июня 1937 года Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР приговорило к расстрелу с конфискацией имущества и лишением воинских званий: Маршала СССР М.Н. Тухачевского, командарма 1-го ранга И.Э. Якира, командующего войсками Киевского ВО, командарма 1-го ранга И.П. Уборевича, командующего войсками Белорусского ВО; командарма 2-го ранга А.И. Корка, начальника Военной академии им. М. Фрунзе, комкоров Р.П. Эйдемана, В.К. Путну, атташе при полпредстве СССР в Великобритании, Б.М. Фельдмана, начальника Управления по начальствующему составу РККА, и В.М. Примакова – заместителя командующего войсками Ленинградского ВО.

Приговор был приведен в исполнение через несколько часов по завершении суда в ночь на 12 июня 1937 года.

Типичный «сталинский» процесс, не утруждающий себя доказательствами. Неудивительно, что у многих современников и последующих исследователей возникали сомнения в обоснованности приговора и сильнейшие подозрения в незаконных методах получения показаний.

13 января 1957 года все 9 были реабилитированы за отсутствием состава преступления. По мнению Комиссии по реабилитации, признания подсудимых были получены с использованием пыток и избиений. А других доказательств, кроме самооговоров, попросту нет.

Сложность в том, что сигналы о наличии в РККА сильной оппозиции Сталину поступали много раз уже в 1929–1934 годах. Эта информация не вышла из недр спецслужб, но уж Сталину наверняка была известна. И материалы есть, помимо собственных признаний.

Аналогичное дело о заговоре в верхушке РККА разрабатывалось ОГПУ еще в 1930 году. Сталину представили материалы о том, что группа крупных военачальников во главе с Тухачевским готовит захват власти и убийство самого Сталина. Сведения основаны только на показаниях арестованных преподавателей Военной академии – Какурина и Троицкого. Тухачевский на очной ставке все категорически отрицал и был признан невиновным[13].

---

[13] См.: *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы.

По мнению ряда исследователей, настоящей причиной процесса был заговор с целью захвата власти. Обвинения же в шпионаже были призваны сделать процесс более приемлемым для остальной военной верхушки[14].

Судя по тому, как вела себя Красная Армия в 1941 году, у Сталина были очень веские основания считать заговор высших военачальников реальностью.

М., 1996.

[14] См.: *Прудникова Е., Колпакиди А.* Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М., 2006.

Репрессии в РККА 1937–1938

Дело Тухачевского стало спусковым крючком для начала широкомасштабных репрессий в РККА. Из 8 членов «специального присутствия», выносившего приговор 11 июня 1937 года, расстреляны были 4. Маршал В.К. Блюхер, по одним данным, расстрелян, по другим – умер под пытками. Уцелели только В.В. Ульрих, С.М. Буденный и Б.М. Шапошников.

В 1937–1938 годах были расстреляны: из 5 маршалов – 3; из 5 командармов I ранга – 3; из 10 командармов II ранга – 10; из 57 комкоров – 50; из 186 комдивов – 154; из 16 армейских комиссаров I и II рангов – 16; из 26 корпусных комиссаров – 25; из 64 дивизионных комиссаров – 58; из 456 командиров полков – 401[15]. Чудовищный масштаб «чистки», разумеется.

«Головка» армии уничтожена, нет слов. А как насчет офицеров низового звена?

Как утверждает публицист-сталинист И. Пыхалов, со ссылкой на архивные источники, в течение 1937–1938 гг. в армии, с учетом всех последующих пересмотров дел (изменений статей и восстановлений), было репрессировано 17 776 человек[16] командного состава, из них 9701 был уволен и 8075 арестовано.

---

[15] См.: *Соколов Б.* Истребленные маршалы. Смоленск, 2000, С. 82–202.

[16] См.: *Пыхалов И. В.* Великая Оболганная война. М., 2005.

В. Г. Клевцов утверждает, что в 1937–1938 гг. было физически уничтожено 35,2 тыс. офицеров, Д. А. Волкогонов[17] и Д. М. Проэктор[18] пишут о 40 тыс. репрессированных. Н. Г. Павленко пишет: «…только в армии с мая 1937 года по сентябрь 1938 года был репрессирован 36 761 военачальник»[19]. А. М. Самсонов пишет о 43 тыс.[20], Н. М. Раманичев – о 44 тыс..[21], Ю. А. Горьков – о 48 773[22].

В публицистике называются цифры и покруче: 50 тыс. репрессированных[23], и даже: «Более 70 тысяч командиров Красной Армии были уничтожены Сталиным еще до войны»[24].

В. Н. Рапопорт и Ю. А. Геллер пишут: «Поэтому мы вынуждены считать, что убыль кадрового состава за два года чистки составила приблизительно 100 тыс. человек»[25]. Л. А.

---

[17] См.: *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2 книгах. Кн. II. Ч. 1. М., 1989.

[18] См.: *Проэктор Д. М.* Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне. М., 1972.

[19] *Павленко Н. Г.* Размышления о судьбе полководства. М.: Знание, 1989.

[20] *Самсонов А.М.* Вторая мировая война. 1939–1945. М., 1990.

[21] *Раманичев Н.М.* Красная Армия всех сильней? // Военно-исторический журнал. 1991, № 12.

[22] *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995.

[23] *Куманев Г. А.* Война и эвакуация в СССР // Новая и новейшая история. 2006, № 6.

[24] *Яковлев А. Н.* Жириновскому и другим «патриотам» в жирных кавычках // Известия. 25 апреля 1995. № 76 (24435).

[25] *Рапопорт В. Н., Геллер Ю. А.* Измена Родине. М., 1995.

Киршнер утверждает, что было репрессировано 50% офицеров: «Считается, что в предвоенный период репрессировано 44 тыс. человек командного состава, свыше половины офицерского корпуса»[26].

Цифры настолько противоречат друг другу, что имеет смысл уточнить: численность офицерского корпуса в 1938 году составляла порядка 180 тыс. человек. Из уволенных в 1937–1938 гг. 38 тыс. командиров и политработников в 1939–1940 гг. вернулись в армию 12 тыс., 9 тыс. было уволено по старости или болезни. Не более 18 тыс. офицеров уволены из армии по политическим причинам. Причем только 9,5 тыс. из них было арестовано.

Важно, что масштабы репрессий ВЕЛИКИ. Настолько велики, что после смерти Сталина его враги легко смогли стократ преувеличить их масштаб.

[26] Канун и начало войны: Документы и материалы / Сост. Л. А. Киршнер. Л., 1991.

Уничтожение лучших?

Естественно, возникал вопрос – зачем? Что тут – шизофрения Сталина? Борьба за власть? Уже в те времена современники уверенно говорили: Сталин уничтожил самых лучших. 11 июня 1937 года немецкий журнал «Верфронт» писал в статье «Новое лицо Красной Армии»: «После суда … Сталин распорядился расстрелять восемь лучших командиров [РККА]. Так закончился краткий период реорганизации командования Красной Армии … Военная квалификация была принесена в жертву политике и безопасности большевистской системы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания